

Эдуард

ТОПОЛЬ

Интимные
связи

Эдуард Тополь

Интимные связи

«Эдуард Тополь»

Тополь Э. В.

Интимные связи / Э. В. Тополь — «Эдуард Тополь»,

ISBN 978-5-17-072167-2

«...Продукция Андрея Петровича Бережковского пользовалась успехом – как при советской власти, так и в наши дни. Книги, сценарии, пьесы, а в последнее время и реклама – он был, что называется, «многостаночником» (для завистников) или «трудоголиком» (для приятелей). И еще с прошлого века, со времен благословенной (для некоторых) советской власти считал себя небожителем в прямом смысле этого слова – имел не только хорошую квартиру в многоэтажной «элитке» у метро «Аэропорт», но и там же, в этом же доме, – «творческую мастерскую», мансарду или, попросту говоря, еще одну (и огромную по совковым стандартам) однокомнатную квартиру со скошенным потолком и обставленную с классически-творческим шиком. Кресло, стол с компьютером, телефон, факс, электроплита... (Кухню в таких мастерских иметь запрещалось, дабы творцы не пользовались ими как постоянным жильем.) Холодильник, диван, книжные полки с книгами хозяина. На стенах большой плазменный телеэкран, афиши его пьес и фильмов, фото со знаменитостями, африканские маски, охотничьи трофеи. На полу гантели, в углу – шведская стенка...» В сборник «Интимные связи» помимо повести, давшей название всей книге, вошли такие известные произведения автора, как «Ангел с небес. Чистая комедия», «Монтана. По рассказу «Убийца на экспорт», «Ванечка», «Пластит» и «Технология нашего ремесла».

ISBN 978-5-17-072167-2

© Тополь Э. В.
© Эдуард Тополь

Содержание

Интимные связи	6
Ангел с небес	53
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Эдуард Тополь

Интимные связи

Сборник

Интимные связи

«Блондинка в открытом спортивном кабриолете была так хороша и так знакома по многим популярным фильмам, что водитель многотонного „КрАЗа“ просто не мог от нее оторваться – догонял у каждого красного светофора и любовался на нее сверху, из своей кабины.

Но «кирпич» для грузового транспорта при въезде на Тверскую положил этому конец, и блондинка уже выжала сцепление в своем кабриолете, как вдруг... Видя, что он ее теряет, парень из «КрАЗа» швырнул ей первое, что было у него под рукой, – свой мобильник.

Трубка упала на сиденье рядом с блондинкой, и они тут же разъехались: она на Тверскую, а он направо, на соседнюю стройку...»

«Спустя час или два, когда она была на съемочной площадке, этот мобильник в самый неподходящий момент зазвонил в ее сумочке – режиссер даже психанул и остановил съемку. А ей пришлось взять трубку: „Алло!“ – „Девушка, как мне получить мой телефон обратно?“ Но она не ответила, а в досаде вырвала этот телефон и – закрутилась в съемках, забыла о нем напрочь...»

«И только месяц спустя, когда ее машина вылетела с мокрой подмосковной дороги в болото и увязла там по уши, она в отчаянии схватилась за этот телефон, как за соломинку, включила его и нажала „возврат последнего звонка“: „Алло! Это вы были на „КрАЗе“? Вытащите меня, пожалуйста!..“»

Продукция Андрея Петровича Бережковского пользовалась успехом – как при советской власти, так и в наши дни. Книжки, сценарии, пьесы, а в последнее время и реклама – он был, что называется, «многостаночником» (для завистников) или «трудоголиком» (для приятелей). И еще с прошлого века, со времен благословенной (для некоторых) советской власти считал себя небожителем в прямом смысле этого слова – имел не только хорошую квартиру в многоэтажной «элитке» у метро «Аэропорт», но и там же, в этом же доме, – «творческую мастерскую», мансарду или, попросту говоря, еще одну (и огромную по совковым стандартам) однокомнатную квартиру со скошенным потолком и обставленную с классически-творческим шиком. Кресло, стол с компьютером, телефон, факс, электроплита... (Кухню в таких мастерских иметь запрещалось, дабы творцы не пользовались ими как постоянным жильем.) Холодильник, диван, книжные полки с книгами хозяина. На стенах большой плазменный телеэкран, афиши его пьес и фильмов, фото со знаменитостями, африканские маски, охотничьи трофеи. На полу гантели, в углу – шведская стенка.

И – мужской беспорядок, поскольку жену свою Катю Андрей Петрович сюда не допускал категорически, а уборщицу – только раз в неделю.

Все остальное время Андрей Петрович здесь работал. Или готовился к работе (что тоже труд). Или отдыхал после работы (что трудом не считалось).

Закончив с таким вступлением, перейдем к нашей истории.

В то весеннее утро Андрей Петрович появился в своей мастерской, прямо скажем, в не очень свежем виде. То ли с ночной киносъемки, то ли из командировки, то ли... Впрочем, не будем гадать. Главное – появился. Открыл дверь на террасу, шуганул с нее наглых голубей и обругал их за то, что опять тут всё загадили, сволочи. Включил автоответчик.

Женским механическим голосом автоответчик сказал:

– У вас шесть новых сообщений. Сообщение первое...

Стоя у двери на террасу и слушая гул Ленинградского проспекта и голос автоответчика, Бережковский поднял гантели и стал выжимать их, мысленно сравнивая себя с Кавалеровым из «Зависти» Олеси и пытаясь вспомнить, когда он, Бережковский, последний раз пел в клозете.

А за спиной автоответчик воскликнул с кавказским акцентом:

– Алло, Андрей Петрович! Это Армен Кароян из Коктебеля! У нас утром съемка, смена заказана, а сцены нет! Пожалуйста, позвоните! Я жду!

И – женский автоматический голос:

– Сообщение второе.

После чего тоже женский, но требовательный:

– Алло, Андрей! Где тебя носит? Мобильный ты выключаешь! Имей в виду: мне это надоело!

Вздохнув, Бережковский положил гантели, подошел к шкафу и столику, насыпал кофе в джезву, залил водой из графина и поставил на электроплитку.

Автоответчик между тем продолжал:

– Сообщение третье.

И тут же – низкий женский голос эдак интимно:

– Алло, Андрей Петрович, меня зовут Алина Полонская, я актриса, мы познакомились на приеме в немецком посольстве. Пожалуйста, позвоните мне, мой телефон 787-43-17. Я буду очень ждать! *Очень...*

Автоответчик:

– Сообщение четвертое.

Мужской голос с кавказским акцентом:

– Алло! Андрей Петрович, это опять Кароян! Я не знаю, как быть! Актеры прилетели, натура уходит, а сцены нет! Я в панике! Пожалуйста, срочно позвоните!!!

Автоответчик:

– Сообщение пятое.

Женский голос скороговоркой:

– Андрей Петрович, здравствуйте! Это Перепелкина из «Культурной революции». Михаил Ефимович просит напомнить, что мы ждем вас завтра в двадцать один ноль-ноль на программу «Демократия во сне и наяву». Ваш оппонент Жириновский. Пожалуйста, не опаздывайте!..

Автоответчик:

– Сообщение шестое.

Мужской голос солидно:

– Андрей Петрович, это телефонная компания «Мобиль». Вы обещали придумать нам рекламный телероман, и мы терпеливо ждем. Мой телефон 797-17-11.

Автоответчик:

– У вас больше нет сообщений.

Бережковский стал наливать себе кофе в чашку, когда телефон загудел эдаким низким гудозвонком. Но Бережковский проигнорировал, не взял трубку, а подождал, пока авто-ответчик сообщит звонившему: «Здравствуйте. Вы позвонили по телефону 205-17-12. Пожалуйста, оставьте ваше сообщение». После чего тут же раздался отчаянный крик Карояна:

– Алло! Андрей Петрович!!! Возьмите трубку!.. Ч-черт, опять его нет! Вот сук...
Гудки отбоя.

Бережковский на оскорбление не отреагировал, а включил свой компьютер и, отпивая кофе, снял телефонную трубку и набрал номер.

– Алло, Ирина? Доброе утро, Бережковский. Как там мои дела? Вы мне отправили гонорар?

Ирина на том конце провода явно обрадовалась, сказала даже с придыханием:

– Ой, Андрей Петрович! Здравствуйте! Извините, у нас компьютер завис. Как только включится, я вам сразу наберу! Сразу!

– Да уж, пожалуйста, – попросил Бережковский. – Я жду.

А положив трубку, добавил:

– Вот суки!..

Сел за компьютер и, собираясь работать, взъерошил волосы, прокашлялся, допил кофе. Телефонный звонок. Бережковский рефлексивно взял трубку.

– Да.

Незнакомый женский голос осторожно сказал:

– Алло...

– Слушаю.

– Андрей Петрович?

– Да.

В трубке молчали.

– Слушаю. Говорите! – нетерпеливо сказал Бережковский. – Алло! Кто это?

Но трубка молчала, и он положил ее – почти бросил. Допил кофейную гущу и принялся стучать по клавиатуре компьютера.

Пронзительный звонок междугородней прервал его буквально через минуту.

– Алло! Это междугородняя! Вы чё трубку вешаете? С вами ж говорят! Не вешайте трубку!

Бережковский стоически промолчал. Но и трубка молчала.

– Алло! – сказал наконец Бережковский. – Алло, говорите!

Но трубка все равно молчала.

– Алло, междугородняя! – потребовал он.

– Это не междугородняя... – ответил грудной женский голос.

– А кто?

– Извините, Андрей Петрович, вы меня не знаете... – И снова пауза.

– Ну? – нетерпеливо сказал Бережковский. – Слушаю вас... Говорите!.. Говорите, а то я положу тру...

– Нет-нет! – испугался голос. – Только не кладите! Пожалуйста!

– Тогда говорите!

– А вы не бросите трубку?

– Ника, это ты? – осторожно спросил Бережковский.

– Нет, это не Ника. Ника – это ваша дочь. Вы посвятили ей свой роман «Яблоко раздора» и пьесу «Ошибки воспитания». Верно?

– Д-да... А кто это?!

– Мое имя вам ничего не скажет.

– Гм... Хорошо, а что вы хотите?

– Честно?

– Конечно, честно. – Бережковский начал раздражаться. – Говорите!

– Знаете, совсем честно я с вами еще не могу говорить, – вдруг признался голос. – Очень хочу, но не могу.

– Почему?

– Боюсь.

– Ну, тогда я не знаю...

– А вам и не нужно знать, Андрей Петрович! – поспешно, словно чувствуя его раздражение, сказал голос. – Я не собираюсь просить у вас ни денег, ни помощи. И вообще – ничего. Кроме голоса.

– Голоса? – удивился он. – В каком смысле? Голосовать за кого-то?

– Нет-нет! Что вы! Я имею в виду – просто послушать ваш голос.

– Послушать? Зачем?

– Знаете, я бы и этого не просила. Если бы...

– Если бы что?

– Хорошо. Я скажу. Только не пугайтесь. Это вас совершенно ни к чему не обяжет.

– Ну?

– Понимаете, я обожаю ваши книги. Можно сказать, я подседа на них. Давно, лет десять назад. Только, пожалуйста, не считайте меня сумасшедшей. Конечно, у вас полно фанаток! И какие-нибудь идиотки атакуют вас своими письмами, шлют свои фотографии и признания в любви. Правда?

– Ну-у... – польщенно сказал Бережковский. – В общем, бывает.

– Но я не из их числа, не бойтесь. Я бы вообще не стала вас беспокоить, если бы...

– Если бы что?

– Если бы не одно обстоятельство...

– Какое? Говорите. Ну говорите же!..

Но трубка молчала.

– Так, – сказал он. – Знаете что? Я не могу играть в эти игры, я занят. Считаю до трех.

Или вы говорите, или я кладу трубку. Раз... Два...

– Хорошо, ладно! – сдался голос. – Только не надо считать, это безжалостно. Завтра... –

И замолчал.

– Что завтра? – спросил Бережковский. – Что?!

– Завтра у меня операция. Онкология. Но вы не пугайтесь: врачи уверяют, что все обойдется. А я все равно боюсь. Понимаете, я очень боюсь! И я подумала: ну, имею я право перед *такой* операцией услышать голос Бережковского? Как вы думаете, имею?

Он молчал.

– Андрей Петрович! Неужели не имею? Если вы скажете...

Бережковский сменил тон, спросил спокойно:

– Алло. Сколько вам лет?

– А что? Это важно?

– Да. И откуда вы звоните? Можете дать мне свой номер?

– Хотите меня проверить?

– Ну... Нет, я подумал: вам, наверное, это дорого – звонить по межгороду?

– А вам дешевле? – улыбнулся ее голос. – Но пожалуйста, запишите. Вы набираете восьмерку, потом наш код 349-22 и телефон 4-87-76.

Бережковский записал на перекидном календаре рядом с компьютером.

А она спросила:

– Вы что? Правда мне позвоните? Прямо сейчас?

– А это ваш домашний? Или вы в больнице?

– Я дома. В больницу я иду вечером, в восемь.

– Тогда... Тогда я позвоню часа через три. Я должен кое-что дописать, я обещал продюсеру...

– Ой, конечно! – тут же согласился голос. – Вам нужно работать. Я извиняюсь! Я дико извиняюсь! Но я вас услышала! Это для меня огромный подарок! Удачи вам!

– Подождите! – спохватился он. – 349 – какой это город?

Но трубка уже гудела гудками отбоя.

– Блин! – сказал Бережковский и положил трубку.

Попробовал работать, но работа не пошла, он отодвинул в сердцах клавиатуру и сказал вслух:

– Нет! Так невозможно работать!

И набрал телефонный номер.

– Аллю! – ответил женский голос.

– Ирина, это опять Бережковский! Как там с моими деньгами?

– Да все висит компьютер, Андрей Петрович, – виновато ответила Ирина.

– Висит? Скорей бы он грохнулся!

– Я тоже так считаю. Но вы не беспокойтесь. Как только включится, я печатаю платежку и несу Добровольскому.

Бережковский удивился:

– А он еще не подписал?

– Я же говорю: компьютер завис, Андрей Пет...

– Понятно, пока! – невежливо перебил Бережковский и дал отбой. – Вот суки!

Тут телефон загудел прямо у него под рукой, он машинально снял трубку.

– Да?

– Андрей Петрович, наконец! – завопил голос Карояна. – Вы меня режете! Мне сцена нуж...

Но Бережковский выдернул из розетки вилку телефонного шнура.

– Да пошел ты!

Встал и, ероша волосы, заходил по кабинету.

Опять сел за компьютер, тупо уставился на экран.

И опять встал, открыл холодильник, достал почерневший банан, почистил его, надкусил и тут же с отвращением выбросил в мусорку. Тьфу!

Снова сел за компьютер, откинулся в кресле, закрыл глаза.

Затем решительно вставил вилку телефонного шнура в розетку и, заглядывая в свою запись на столе, набрал телефонный номер.

После второго гудка грудной женский голос ответил:

– Аллю! Слушаю...

– Это Бережковский. Извините, не знаю, как вас звать. Это вы мне звонили?

– Да, я... – и удивился, и обрадовался голос. – А вы уже поработали?

– Как вас зовут?

– Елена.

– И сколько вам лет?

– Пожалуйста: двадцать семь, замужем, ребенку четыре года, образование высшее.

Шатенка. – И уже с иронией: – Остальные параметры нужны?

– Ну... – протянул он уклончиво.

– Пожалуйста, я скажу. Я знаю, что для вас это важно.

– С чего вы взяли?

– Из ваших книг. Вы предпочитаете стройных блондинок весом до пятидесяти килограмм. Чтобы легко вращать их в положении «верхом». Я правильно цитирую?

Бережковский смутился:

– Ну, знаете!.. Вкусы моих персонажей не всегда совпадают...

– Всегда, Андрей Петрович, – сказал голос. – Они совпадают во всех ваших книгах, и, следовательно, они совпадают с вашими. Так что тут я вам не уйду. Я выше вашего стандарта, не блондинка, и грудь у меня больше второго размера. А вы любите второй. Но с другой стороны, мы никогда не увидимся, так что это не важно, верно? Спасибо, что позвонили. Пожалуйста, расскажите мне что-нибудь. Какая в Москве погода? Что вы сейчас пишете?

– Какой у вас диагноз?

– Этого я вам не скажу.

– Но вы действительно ложитесь на операцию?

– Хотите проверить? Пожалуйста: больница имени Губкина, фамилия хирурга Гинзбург Семен Львович, телефон...

– Не нужно, я вам верю.

– Спасибо. Хотя... Думаю, на него произвело бы впечатление, если бы из-за меня ему позвонил сам Бережковский!

Тут на столе у Бережковского зазвонил мобильник, Бережковский глянул на его экранчик, включил и сказал:

– Армен, я работаю! Понимаешь – ра-бо-та-ю! Завтра отправлю сцену по электронной почте!

– Но съемка сегодня, Андрей Петрович! – умоляюще сказал Кароян.

– Нет, сегодня не успею! И вообще, почему я должен переделывать эту сцену? Сейчас по телевизору показывают и не такое! Снимайте как есть!

– Но вы же знаете... – начал Кароян, но Бережковский перебил:

– Я все знаю. Короче, перенеси съемку на завтра.

– Нет! Я не могу на завтра!

– Сможешь. До завтра никто не умрет! Все! Я работаю! Пока! – Бережковский бросил мобильный и сказал в трубку: – Извините, Лена...

– Андрей Петрович, – ответила она, – вам нужно работать, я даю отбой.

– Подождите.

– Нет-нет, вас ждут, вам нужно работать. Не думайте, что я тут просто схожу с ума от страха. Я переживу. Доживу до операции, а там будет наркоз. И вы правильно сказали: никто не умрет до завтра! Спасибо, что позвонили.

– Минуту! Вот что, Елена! Я не знаю, насколько серьезна у вас операция. Но вы хотели послушать мой голос, так ведь? Да или нет?

– Да...

– Тогда слушайте... – И Бережковский уселся плотнее к компьютеру. – Хотя...

– Что «хотя»?

– Не знаю, могу ли я вам это прочесть. Это немножко... Ну, как бы...

– Ниже пояса?

– Да. А как вы догадались?

Голос улыбнулся:

– Ну, я знаю этого автора. Читайте, не бойтесь!

– Хорошо... – Бережковский прокашлялся и стал читать с экрана монитора: – «Скалы, поросшие вереском, скрывали их от случайных курортников. Море, гулко ударявшее о песчаные дюны, заглушало ее вскрики. Он все просил – негромко, с хрипотцой и улыбкой в голосе: „Тихо, княгиня, тихо!“ – „Я не могу тихо! Нет! – пылко отвечала она и мотала головой из стороны в сторону. – Боже, вы дьявол!“ – „Тихо!“ – Обеими руками он в обхват держал ее тонкую талию и с медвежьей силой то возносил над собой, то опускал – все чаще, все яростней. „Все! – стонала она. – Я не могу больше! Я умру...“ – „Можешь! – настаивал он. – Еще как можешь!“ – „Да! – вдруг вскричала она. – Могу и хочу! Могу и хочу! Пусть я умру!“... А потом, бездыханная, она лежала на его груди – легкая, как пустая наволочка. И шептала с закрытыми

глазами: „Вы дьявол, дьявол! У вас есть хвост?“ – „Проверь, – усмехался он. – Нет, не там...“ – „Как? Уже? – притворно пугалась она. – Господи, я вас обожаю! О! О-о-о!..“ И снова они были единой плотью, и он говорил ей: „Следующим летом ты опять приедешь сюда“. – „Молчите! – просила она. – Вы мне мешаете...“ – „Ничего, слушай. Продолжай и слушай! Ведь я много старше тебя! У вас в России мужчины так долго вообще не живут. И это наше алиби. Если твой муж что-то заподозрит, рассмейся ему в лицо и скажи: „Ты с ума сошел? Этому немцу скоро пятьдесят, и он, наверное, уже лет двадцать, как ничего не может“. Ты запомнила?“ – „Нет. Я скажу, что вы дьявол! И только с вами я умираю и живу! Умираю и живу! Вот так! Вот так! Господи, прости меня! Ведь я не раскаиваюсь! Я хочу еще! Еще!..“ Под звуки ее голоса камера поднимается над ними все выше и выше, открывая пустынный пляж, укромную бухту, залитое солнцем море и где-то вдали, за скалами – маленький и уютный курортный Биарриц...» Ну, что вы скажете?... Алло, Елена, почему вы молчите?... Алло, вы здесь?

– Здесь... – ответила она наконец. – Скажу, что это Бережковский в своем амплуа. И поза типично ваша – блондинка сверху. Она же блондинка, верно?

– Верно, но я тут ни при чем. – Он взял со стола книгу, открыл на закладке. – Читаю исторический документ: «В свои двадцать два года она была исключительно красива, изящная блондинка с высокими славянскими скулами, и Бисмарк влюбился в нее, называл ее Кэти...»

– Бисмарк? – изумилась Елена. – Какой Бисмарк?

– Тот самый. Отто, «железный канцлер», создатель германского государства и немецкой нации. Для немцев он – как для нас Иван Калита, Юрий Долгорукий и Петр Первый в одном лице. Так вот, я раскопал, что главной и единственной любовью этого Бисмарка была двадцатилетняя русская княгиня, их тайный роман длился четырнадцать лет!

– Боже мой! – воскликнула Елена. – Неужели Бережковский пишет исторический роман?!

– Ну, не совсем роман, – сознался он. – Телесериал. Точнее, такие, знаете, телевизионные фантазии на историческую тему. Иначе биографы Бисмарка меня просто сожрут. Хотя роман мог бы получиться блистательный. Но во-первых, я не Радзинский, а во-вторых, для романа почти нет материала. И русские, и немецкие историки больше ста лет заметали под ковер все следы этой страсти. Все-таки две русско-германские войны, а тут – русская любовь идола немецкой нации! Впрочем, что вам эта доисторическая интрига! Вам, наверное, пора в больницу...

– Нет-нет, мне очень интересно! А кто эта княгиня?

– Екатерина Орлова, урожденная Трубецкая, жена графа Орлова, героя Крымской войны и посланника русского императора в Женеве.

– И у нее был роман с Бисмарком?

– Еще какой!

– Какой? Расскажите...

Тут, однако, у Бережковского снова зазвонил мобильник.

– У вас мобильный, – сказала Елена.

– Да, – подтвердил Бережковский. – Извините, это жена. Я вам перезвоню. – Он положил трубку и включил мобильный: – Да, дорогая...

– Ты живой? – поинтересовалась жена.

– Конечно. А что?

– Жаль. Лучше б ты на ней умер! – И трубка загудела гудками отбоя.

Бережковский вздохнул, горестно закрыл глаза, потом открыл и набрал номер на городском телефоне.

– Послушай, что ты выдумываешь? – сказал он жене. – Я был в Коктебеле на съемках «Бисмарка». Только что прилетел. Если не веришь, позвони Карояну.

– Плевала я на твоего Карояна! – ответила жена. – Мне нужен муж, понимаешь? Муж, а не летающая знаменитость!

– Перестань, пожалуйста! – попросил он. – Я тебе обещаю...

Но она перебила:

– И не нужно мне твоих обещаний! У меня их по горло! Я тебя просто предупреждаю: если ты сегодня вечером не...

– Вечером, – поспешил он, – я иду на съемки «Культурной революции» к Михаилу...

Но она не дослушала:

– Это меня не касается! Я повторяю: если тебя не будет к ужину, можешь не приходить вообще!

– Но, Вика! Позвони Швыдкому – в двадцать один у него съемка, я главный гость! С Жириновским.

– Вот и живи с Жириновским! Пока!

Бережковский положил трубку. Откинувшись в кресле, посмотрел на экран монитора и вздохнул:

– Н-да... Ну-ну!.. Ч-черт, ведь хорошая сцена! Как ее переделать?

Встал, подошел к холодильнику, достал из него пакет сока, кусок сыра, яйцо и батон засохшего хлеба.

– Блин! Ничего нет, даже масла...

Поставил на электроплиту сковородку, разбил в нее яйцо, крошил сверху сухой хлеб и сыр. Зазвенел телефон, но Бережковский трубку не взял, а дождался, когда включился автоответчик:

– Здравствуйте. Вы позвонили по телефону 205-17-12. Пожалуйста, оставьте ваше сообщение.

После чего служебный женский голос бегло произнес:

– Андрей Петрович, это телевидение, приемная Эраста Константиновича. Пожалуйста, позвоните нам, Эраст Константинович хочет с вами...

Бережковский ринулся к телефону, сорвал трубку:

– Аллю, я слушаю!

– Андрей Петрович?

– Да, я.

– Соединяю с Эрастом Константиновичем.

Однако вместо знаменитого хозяина заглавного российского телеканала из телефона послышалась мелодия «С нами пушки системы „Град“, за нами Путин и Сталинград».

Бережковский терпеливо ждал. Наконец, перебив мелодию, мужской голос спросил:

– Аллю, Андрей?

– Привет, Эраст! – сказал Бережковский. – Поздравляю с успехом твоего блокбастера! Срубить в прокате шестнадцать «лимонов» – ты гений!

– Спасибо, – польщенно ответил голос. – Зато я на тебя обижен.

– За что? – изумился Бережковский.

– Почему ты «Бисмарк» отдал на ГТР?

– Ну, так получилось. Они позвонили, спросили, что у меня есть. А у меня как раз...

– Хорошо, я понял. Теперь звоню я и спрашиваю: что у тебя есть к Новому году? Есть что-нибудь?

– Я должен подумать, я не могу так сразу.

– Думай, но недолго.

– Сколько?

– До завтра.

– А кто еще думает? – поинтересовался Бережковский.

– Это не важно. Пока.

Бережковский положил трубку и ринулся назад, к сковородке, над которой уже поднимался дым.

– Блин, все сгорело!

Действительно, есть уже было нечего, пришлось всю эту гарь выбросить в помойное ведро и открыть дверь на террасу, чтобы выветрить копоть и вонь. И заодно опять шугануть гулькающих там голубей.

После чего Бережковский снова набрал номер на городском телефоне:

– Алло, Сережа?

– Коля, – уточнил юношеский тенор.

– Привет, Коля! Это Бережковский. Мне пиццу и...

– Две «Балтики» шестой номер. Я помню. Уже несусь!

– Спасибо...

Несколько минут Бережковский смотрел на экран компьютера, чесал в затылке и говорил сам себе:

– Блин, чем заменить постель?

Затем нервно выскочил на террасу.

– Кыш-ш! Кыш отсюда! Черти, всю террасу засрали!

А вернувшись в кабинет, включил радиоприемник. Но по радио звучал детский хор: «Летите, голуби, летите! Для вас нигде преграды нет!..», и он выключил приемник. Помаялся, посмотрел через террасу на Ленинградский проспект – точнее, на этот бесконечный поток автомобилей, которые постоянно толкуются здесь, как рыбы в нерест...

Впрочем, записать это литературное сравнение ему не позволил звонок в дверь.

– Открыто! – крикнул Бережковский.

Сделав нечто вроде кульбита, влетел семнадцатилетний разносчик с пиццей в коробке и двумя бутылками пива.

– Оп! – сказал он и театрально расшаркался. – Кушать подано! И пить...

– Спасибо. – Бережковский отдал ему деньги. – Сдачи не надо. Как думаешь, чем можно заменить постель?

– Постель? – изумился парень.

– Да. Что может заменить постель, как ты думаешь?

Разносчик оглядел комнату:

– Ну, диван можно поставить... Но у вас уже есть.

– Не в этом смысле, – сказал Бережковский в досаде. – В переносном. Что может заменить секс? А? Как ты думаешь?

Парень уставился на него с сочувствием в глазах.

– Да не мне, не мне, – спохватился Бережковский. – Расслабься! Тебе! Что тебе может заменить секс? А?

– Ну, я не знаю... А зачем заменять?

Бережковский махнул рукой:

– Ладно, иди.

– Не, ну если *вам* нужно... – сказал парень.

– Иди, иди! – стал подталкивать его Бережковский, и парень испуганно отпрянул:

– Но! Но... – и поспешно удрал.

– Идиот!..

Бережковский распаковал пиццу, открыл пиво и стоя принялся за еду, не обращая внимания на вновь зазвонивший телефон.

– Здравствуйте, – сказал за него автоответчик. – Вы позвонили по телефону 205-17-12. Пожалуйста, оставьте ваше сообщение.

– Андрей Петрович, это снова «Мобиль», – сообщил солидный мужской голос. – Насчет рекламного телеромана. Вы же знаете, какая у нас борьба с «Би Лайн», МТС и «Мегафоном». Мы очень, *очень* на вас надеемся!

Отбой, перемотка автоответчика.

Бережковский продолжал есть.

Снова звонок. И снова включился автоответчик:

– Здравствуйте. Вы позвонили по телефону 205-17-12. Пожалуйста, оставьте ваше сообщение.

– Андрей Петрович, это Ирина. Ваша платежка на столе у Добровольского...

Бережковский схватил трубку:

– Алло! Алло!

– Андрей Петрович, я сделала платежку и отнесла в приемную Добровольского, – сообщила Ирина. – А дальше – сами понимаете...

– Потрясающе! – заметил Бережковский. – Сериал уже снимается, а деньги за сценарий нужно вытаскивать клещами!

– Андрей Петрович, вы же знаете, как я к вам отношусь. Моя бы воля, я бы вам...

– Спасибо, Ирочка! Кстати! Как ты думаешь, чем это можно заменить?

– Что «это»?

– Ну, вот то, что ты имела в виду... Что ты молчишь?

– Андрей Петрович, – сухо отозвалась Ирина, – то, что я имела в виду, заменить нельзя! И – гудки отбоя.

Бережковский положил трубку.

– Ч-черт!.. Ирина... Надо ее попробовать...

И, полистав телефонную книжку, набрал приемную Добровольского.

– Да, – сказал женский голос после второго гудка.

– Здравствуйте.

– Да.

– Здравствуйте, – повторил Бережковский.

– Да, говорите! – потребовал голос.

– Я и говорю: «здравствуйте»...

Гудки отбоя.

– Вот сволочь! – хмыкнул Бережковский и набрал номер на своем мобильном. – Алло, Андрей? Это Бережковский...

– Здравствуйте, Андрей Петрович. Рад слышать. Чем могу?

– Ну во-первых, научи своих секретарш здороваться. А то я звоню, говорю «здрате», а они трубку бросают.

– Андрей Петрович, – укорил его Добровольский, – ну кто же здоровается с секретаршами?! Они к этому непривычные. А что во-вторых?

– Во-вторых, мне только что звонил Эраст, просил новогодний сюжет. А этот сюжет уже два месяца лежит у твоих редакторов. Как быть? Отдать Эрасту?

– Ни в коем случае! Я сейчас разберусь.

– Да уж, пожалуйста. Я через два часа должен дать Эрасту ответ.

– Понял, у меня есть два часа.

– И еще. У тебя на столе лежит платежка на мой гонорар по «Бисмарку». Сериал уже снимается, а вы денег не платите. Обеднели?

– Ну, если всем платить *такие* гонорары...

– А вы всем не платите. Мне платите. Так что? Я могу рассчитывать?

– Легко! – заверил Добровольский. – Деньги через час уйдут на ваш банковский счет. Но у меня к вам тоже претензия. Кароян жалуется, что вы сорвали съемку.

– Это не я сорвал, а твои редакторы. Кстати, Андрей, я тебя знаю лет пятнадцать, правда?
– Семнадцать, Андрей Петрович. Я у вас на «Радостях одинокой женщины» ассистентом начинал.

– Вот и хорошо. Значит, могу тебе доверять. Скажи, пожалуйста, только между нами, чем можно заменить секс? Ну? Что ты молчишь?

– А-а... – осторожно поинтересовался Добровольский, – у вас с этим проблемы?

Бережковский взорвался:

– Это не у меня, блин! Это у вас проблемы, у телевидения! Твои редакторы требуют, чтобы я заменил постельную сцену Бисмарка и Кэти! А чем я могу это заменить? И вообще, вы что, совсем охренели? Советское телевидение возрождаете?

– Андрей Петрович, ну зачем вы так? – обиделся Добровольский. – При чем здесь «советское»? Просто у нас государственный канал. К тому же ваш сериал пойдет в прайм-тайм, когда все дети у экрана.

– И что мне делать?

– Ну, я не знаю... Как-то заменить, действительно...

– Чем????!! – закричал Бережковский, но тут же взял себя в руки. – Нет, Андрей, извини, я у тебя, как у руководителя канала, конкретно спрашиваю: чем можно заменить секс? А? Ну скажи! Бисмарк целый месяц трахает на курорте эту Кэти – и как! Так, что когда муж наконец увозит ее в Женеву, она сбегает от мужа, мчится в свое имение под Парижем, вызывает туда Бисмарка, и они двое суток не вылезают из постели – даже тогда, когда Бисмарка телеграммами требуют в Берлин, чтобы сделать канцлером Пруссии!

Тут зазвенел городской телефон, Бережковский схватил трубку, сказал в нее:

– Минуту! – положил эту трубку и продолжил по мобильному: – Ну? Так чем я могу заменить секс? Скажи мне! Чем?

– Андрей Петрович, – сдержанно ответил Добровольский, – я только что подписал вашу платежку. Надеюсь, теперь вы найдете решение. Желаю успехов.

И дал отбой.

А Бережковский взял трубку городского:

– Аллю!

– Так, Андрей! – сказал в трубку голос жены. – Все ясно. Она уже так тебя довела, что ты обратился к сексопатологу.

Бережковский не понял:

– Кто обратился к сексопатологу?!

– Ты, – сказала жена. – Я же слышала. Ты спросил, чем тебе заменить секс.

Бережковский вздохнул и выругался в сердцах:

– Дура, куда ты лезешь?! Я говорил с Добровольским! Это финансовый директор государственного телерадио!

– Ага! – саркастически усмехнулась жена. – И у финансового директора государственного телерадио ты спрашивал, чем тебе заменить секс. Андрей, я в тебе скоро совсем разочаруюсь – ты даже врать разучился!

Бережковский в отчаянии закатил глаза к небу:

– Боже! Я не могу так работать! – И спросил у жены стоически: – Что тебе нужно?

– Я хотела узнать, что приготовить тебе на ужин.

– Ну какой ужин?! – воскликнул он в отчаянии. – Я приду в двенадцать ночи! После «Культурной революции».

– Но ты же придешь голодный. Или она тебя накормит?

– Кто – «она»???

– «Культурная революция».

– О Господи!.. Стоп! Между прочим, давай-ка я у *тебя* спрошу: можно ли заменить секс?

- Конечно, можно.
- Чем? – обрадовался Бережковский.
- Едой.
- Не понял. Едой?!
- А как ты думаешь – почему я так растолстела?

Тут снова зазвенел мобильный. Бережковский взглянул на его экранчик и сказал жене:
– Извини, это Кароян из Коктебеля. Пока! – Выдернул телефонный шнур из розетки и сказал в мобильник: – Армен, за то, что ты настучал на меня Добровольскому, никакой сцены тебе не будет!

- Но, Андрей Петрович! – взмолился Кароян.
- Все, пошел в жопу! Кстати, ну-ка скажи мне: чем вообще можно заменить секс?
- Смотря какой секс, – авторитетно ответил Кароян. – Анальный – ничем, клянусь!
- Даже едой?
- Андрей Петрович, я вас умоляю! Бисмарк и Кэти не занимались анальным сексом!

Напишите что-нибудь!

- Откуда ты знаешь, каким они занимались? Ты был при этом?
- Я читал Бережковского.

– Хорошо, – смягчился Бережковский. – Значит, я пишу так: вместо того чтобы трахаться на пляже, они жарят шашлыки. Тебя устроит?

- Издеваетесь, да?
- Все, Кароян, отстань! У меня пицца остыла!

Бережковский подошел к пицце, попробовал, скривился, но кусок все-таки съел. Потом сел к компьютеру.

- Н-да... – сказал он сам себе. – Не знаю, что делать...

Вставил телефонный провод в розетку и, сверяясь с записью, набрал номер.

- Алло, Елена! Вы еще не ушли в больницу?
- Нет, но уже собираюсь. Я рада вас слышать.
- Знаете, я сегодня у всех спрашиваю... Хотя, извините, вам сейчас не до этого...
- Не до чего?
- Вы в каком городе?
- В Салехарде.
- В Салехарде?! – Бережковский посмотрел на часы. – Так у вас уже...
- Полвосьмого, – сказала Елена.
- Значит, вам пора.
- Ничего, я успею. Вы хотели что-то спросить.
- Нет, я потом, в другой раз...
- Андрей Петрович, другого раза может не быть, – спокойно отозвался голос Елены. –

Спрашивайте.

Бережковский молчал.

- Алло! – сказал ее голос. – Андрей Петрович!
- Я слышу... Это... Это действительно так серьезно? А-а... где ваш муж?
- В Африке.
- То есть? Не понял.
- И не поймете. У них там сафари. Давно было запланировано и оплачено. И он улетел.
- А ребенок?

– Дочку я отвезла к своей маме. Они, конечно, не знают про операцию. Спрашивайте, Андрей Петрович. Не теряйте время. Мало ли чем кончится операция. Что вы хотели спросить?

- Не знаю, имею ли я право...

– Андрей Петрович, вы мой любимый писатель. Вы имеете право на все.
– Тогда скажите мне свой диагноз.
– Поймали меня? И вам не стыдно?
– Стыдно. Но я хочу знать.
– Я не скажу. К тому же вы позвонили не с этим вопросом. Задавайте свой вопрос.
– Хорошо, упрямая женщина. Скажите, чем можно заменить секс?
– Секс? – переспросила она, ничуть не удивившись. – Секс можно заменить сумасшедшим сексом. Больше ничем. А почему вы спрашиваете?
– Потому что сцену, которую я вам читал, они требуют заменить.
– Кто требует?
– Телевидение, кто! У нас все телевидение скоро станет сплошным КВН.
– Извините, Андрей Петрович, внизу такси гудит, мне пора в больницу. Удачи вам. Во всем. И в сексе тоже.

И – гудки отбоя.

Но Бережковский сидел с трубкой в руке и не клал ее на рычаг.

Потом все-таки положил, встал и вышел на террасу.

С террасы открывался вид на Москву, в которой кипела жизнь – по Ленинградскому, как всегда, катил поток машин... Где-то на Беговой клацал на рельсах трамвай... В сквере гуляли дети и гулькали голуби... В небе летел самолет и плыли облака... За спиной у Бережковского, в кабинете звонил мобильный... Но Бережковский не шевельнулся, и звонки прекратились.

Потом какой-то тяжелой походкой он все-таки вернулся в кабинет, подошел к городскому телефону, набрал короткий номер.

– Междугородняя, семнадцатый, – ответили ему.

– Пожалуйста, примите заказ: Салехард, больница имени Губкина.

– Со справкой на тридцать рублей дороже, – сухо сказала телефонистка. – Согласны?

– Согласен. В больнице мне нужен врач по фамилии Гинзбург.

– Вызываемое лицо – еще тридцать рублей. Будете платить?

– Буду.

– Говорите свой номер и имя.

– 205-17-12. Бережковский Андрей Петрович.

Тон у телефонистки круто изменился.

– Бережковский? Тот самый?

– В каком смысле?

– Ну, писатель? Правда?

– Да...

– Сейчас соединяю, сейчас! Не кладите трубочку! – И после паузы: – Алло! Андрей Петрович! Гинзбург уже ушел, будет завтра с восьми до девяти. В девять у него операция. С дежурным врачом будете говорить?

– Нет, спасибо.

– А на восемь утра оформить заказик? А? Андрей Петрович...

– Спасибо, не нужно.

Некоторое время он сидел молча, глядя в одну точку. А потом...

Впрочем, потом была рутина – он ехал по вечерней Москве на Остоженку, где в Доме-музее Пушкина, на балконе, гигантская надувная фигура раскачивалась под ветром из стороны в сторону... Где в галереях актеры, одетые по-древнегречески, изображали эллинские скульптуры... И где в центре зала шла съемка «Культурной революции» – Швыдкой, Бережковский, Жириновский и другие знаменитости обсуждали российскую демократию.

Но все это не имело отношения к нашей истории.

Зато имеет отношение то, что на следующий день, а точнее, ранним утром на следующий день Бережковский осторожно встал с супружеской постели и, глядя на спящую жену, бесшумно вышел из спальни. Наспех одевшись, он тихо выскочил из квартиры, поднялся медлительным лифтом на последний этаж, пробежал по лестнице на чердак, к своей мансарде и, глядя на часы, поспешно набрал короткий номер.

– Алло! Междугородняя! Примите заказ! По срочному!

– По срочному в два раза дороже.

– Не важно, примите!

– Что заказываем?

– Салехард, больница имени Губкина, хирурга Гинзбурга.

– За справку и вызываемое лицо...

– Я знаю! Еще шестьдесят рублей. Соединяйте! Мой номер 205-17-12. Бережковский Андрей Петрович, тот самый.

– В каком смысле?

– Не важно! Соединяйте!

– Положите трубку и ждите.

– Но это по срочному!..

– Положите трубку! – непререкаемо сказала телефонистка и дала отбой.

– Блин! – сказал себе Бережковский. – Там уже девять! Проспал, мудила!

И нервно заходил по мансарде, включил автоответчик. Тот сообщил:

– У вас шесть новых сообщений. Сообщение первое.

Женский голос интимно:

– Андрей Петрович, ради Бога, простите за настойчивость! Это Алина Полонская, мы познакомились на приеме в немецком посольстве, и вы сказали, что хотели бы попробовать меня на ваш сериал о Бисмарке. А сериал-то уже снимается! Пожалуйста, попробуйте меня! Мой телефон 787-43-17, я вас очень жду. Очень!..

Бережковский нетерпеливо повернулся к городскому телефону:

– Ну, в чем дело?!

– Сообщение второе, – сказал тем временем автоответчик.

Бережковский полез на шведскую стенку, попробовал сделать уголок.

Голос Карояна из автоответчика:

– Андрей Петрович! Сцену я получил, но она в гроте! А в Коктебеле ни одного грота нет! Что делать?

Автоответчик:

– Сообщение третье.

И голос жены:

– Андрей, я не понимаю! Ты убежал без завтрака. Она что, тебя теперь и завтраками кормит? Или у тебя нетерпеж?

Автоответчик:

– Сообщение четвертое.

Мужской голос:

– Андрей Петрович, это Добровольский. Я посмотрел вашу новогоднюю заявку. Дочки, скинувшись, посылают маме мужика на Новый год. Это, конечно, смешно и талантливо, как всегда. Но к сожалению, мы не можем это взять. У нас государственный канал, мы не можем секс пропагандировать, мне за это в Кремле яйца оторвут. Да и Эрасту тоже. Мой совет: отдайте это в театр или Роднянскому на СТС...

Звонок междугородней.

Бережковский спрыгивает со шведской стенки, хватает трубку:

– Алло!

- Салехард заказывали? Говорите! Гинзбург на линии!
- Алло, Семен Львович? – сказал Бережковский.
- Да, слушаю вас, – ответили на том конце.
- Доброе утро. Вас беспокоит Андрей Петрович Бережковский из Москвы. Не знаю, знакомо ли вам мое имя...
- Знакомо, Андрей Петрович. И по книгам, и по телевизору. Чем могу служить?
- Благодарю вас. Знаете, я звоню по поводу одной вашей пациентки. Вы сейчас будете ее оперировать...
- Зотова, что ли?
- Ее зовут Елена...
- Елена Зотова. И что?
- Я... Я хотел поинтересоваться: какой у нее диагноз?
- Диагноз? Простите, Андрей Петрович, вы ей кем приходитеесь?
- А... А это важно?
- Конечно. Надеюсь, вы знаете: я, как врач, не имею права оглашать диагноз своих пациентов никому, кроме самых близких. Вы с ней в близких отношениях?
- Нет. Скорее – в далеких.
- Вот видите!
- Но Бережковский не сдавался:
- Хорошо, доктор, а можно я спрошу вас иначе: у нее есть шансы?
- Странный вопрос. Как вы думаете, стал бы я оперировать, если бы шансов не было?
- Значит, есть. Спасибо! И последний вопрос, можно?
- Пробуйте.
- Как она выглядит?
- Она? Она выглядит молодцом. Все будет хорошо, не волнуйтесь.
- Вы меня не поняли. Я имею в виду: как она внешне?
- И внешне все будет в порядке. Шов, конечно, останется, но уверяю вас – через месяц вы его даже не заметите.
- Шов? А где будет шов?
- Извините, Андрей Петрович. При всем почтении к вашей известности...
- Хорошо, хорошо! – в отчаянии сказал Бережковский. – Вы не имеете права. Но как мужчина мужчину я вас могу спросить: она красивая женщина?
- А вы... – изумился салехардский доктор. – Вы что? Никогда ее не видели?
- Нет, – признался Бережковский.
- А звоните! Странно...
- Я знаю, что странно. И все-таки! Это же не врачебная тайна, правда?
- Действительно, не врачебная. Вы помните Гурченко в первых фильмах? Когда ей было лет двадцать пять, помните?
- Еще бы! Неужели она похожа?
- Ну, или Удовиченко в «Месте встречи». Или Анук Эме в «Мужчине и женщине»...
- Вы шутите!
- И еще Софи Лорен, только худенькую – можете себе представить?
- С трудом...
- А теперь отпустите меня, Андрей Петрович. Я должен идти и резать эту роскошную женщину. До свидания.
- Долгие гудки отбоя.
- Бережковский положил трубку, вздохнул, прошелся, снова взял трубку, набрал номер и спросил:
- Коля?

- Нет, Сережа, – ответил юношеский голос.
- Привет, Сережа. Это Бережковский. Мне пиццу...
- И два пива. Уже несу.

Бережковский положил трубку, и в тот же миг телефон под его рукой взорвался новым звонком, который Бережковский проигнорировал и дождался, когда включился автоответчик:

– Здравствуйте. Вы позвонили по телефону 205-17-12. Пожалуйста, оставьте ваше сообщение.

После чего послышался голос Елены:

– Здравствуйте, Андрей Петрович. Это Елена. Тут стоит Семен Львович, я очень тронута, что вы ему позвонили...

Бережковский сорвал трубку:

– Алло! Елена!

– Да, Андрей Петрович, здравствуйте! – ответила она. – Спасибо, что вспомнили обо мне. Я и не рассчитывала.

– Перестаньте! Где вы сейчас? Как себя чувствуете?

– Я уже в операционной. Боюсь ужасно. Вернее, боялась. А теперь, когда слышу ваш голос, стала успокаиваться. Раз произошло одно чудо – я вас слышу, то произойдет и второе: я выживу. Правда?

– Конечно! Конечно! – заверил он. – Все будет хорошо!

– Ваш голос на меня так чудесно влияет, даже странно. Я как будто пью его. У меня есть еще пара минут, пока не начал действовать наркоз. Расскажите мне что-нибудь.

– Что же вам рассказать? Давайте я прочту вам стихи. «Ты устала, дорогая, триста с лишним дней в году – дни труда, и ты в трамвае задремала на ходу. Крепко сомкнуты ресницы, брови подняты дугой, кто тебе сегодня снится, мой товарищ дорогой? Это, может быть, красавец по лицу и по уму – я деталей не касаюсь, но завидую ему. Я себя последней спицей не считаю, нет, и мне тоже бы хотелось сниться многим девушкам в стране. Но тебе, с которой вместе общим делом я живу, для которой столько песен написал я наяву, мне б особенно хотелось передать во сне привет. Это, может, мягкотелость. Что ж поделаешь! Поэт...» Вы уже засыпаете?

– Нет. Это ваши стихи?

– Это Иосиф Уткин, он погиб в сорок четвертом. А до войны был очень знаменит, у Маяковского есть такие строки: «Давайте разделим общую курицу славы, товарищ Светлов и товарищ Уткин!»

– А у него... – сказала она не то затихающим, не то слабеющим голосом, – у него есть что-нибудь в духе Бережковского?

– То есть?

– Ну, вы понимаете...

– Кажется, понимаю. Сейчас... «Нет, что-то есть такое выше разлук и холода в руке – я видел Вас и Вас я слышал на лазаретном тюфяке. И это Вас, когда потухло, я у груди пронес назад, как девочка больную куклу, как руку раненый солдат. Вы на далеком повороте не друг, не брат и не родня. Но нет, но нет – Вы не уйдете, Вы не уйдете от меня! И, даже предаваясь плоти с другим, Вы слышите, с другим, любовь свою вы назовете библейским именем моим! И это выше, выше, выше разлук и холода в руке – я видел Вас и Вас я слышал на лазаретном тюфяке!»

– Спасибо... – уже еле слышно сказала она. – Я засыпаю...

Гудки отбоя и сухой стандартный голос:

– Аппарат абонента выключен или находится вне зоны...

Бережковский осторожно кладет трубку, проходится по мансарде. И с разными интонациями пробует свой голос:

– Голос... Хм... Голос!.. Го-лос... Голос... Го...
Телефонный звонок. Бережковский хватает трубку.
– Андрей? – спросила жена. – Неужели ты у себя? Я была уверена...
– В чем? – стоически спросил Бережковский.
– Ну мало ли! Я могу принести тебе завтрак?
– Нет! – сухо отрезал он. – Мы же договорились.
– Но я рядом, внизу!
– Нет, нет и нет! Мой кабинет – моя крепость. И вообще я не в Москве, я в Биаррице с Бисмарком! Понимаешь?
– Но ты не завтракал!
– Я заказал себе пиццу. Сейчас принесут.
– Каждый день эта пицца! Ты заработаешь гастрит.
– Пусть! – все-таки сорвался Бережковский. – Пусть у меня будет гастрит, колит, холера! Только дай мне дышать!
– Я могу вообще освободить тебя! – обиделась жена. – Навсегда!..
– Начинается!.. Киса, я тебя умоляю! Я работаю! Я не шляюсь по блядям, не сплю с актрисами, не играю в казино и не ухожу в запои. Ну что тебе еще нужно?
– Мужа! Мужа, ты слышишь?! Когда ты последний раз меня любил? Когда ты со мной разговаривал? Ты приходишь домой, как на пересадку! Между поездами и самолетами! Сочинский фестиваль! Выборгский фестиваль! Съёмки в Питере! Съёмки в Новгороде! Снял грязную рубашку, надел чистую и – за дверь! И даже когда ты в Москве, разве я вижу тебя? То «Мосфильм», то «Культурная революция», то тусовка у Никаса, то твоя рабочая студия! Откуда я знаю, чем ты там занимаешься? Может, у тебя там любовница...
– Пять! – сказал Бережковский.
– Что пять?
– Пять любовниц! И все пишут! Одна пишет сериал про Бисмарка, вторая – пьесу, третья – роман, четвертая – рекламу, а пятая – мюзикл по «Камасутре». Киса, я тебя умоляю! Я обещал Эрасту новогоднюю историю...
– А мне?
– Что тебе?
– Ты забыл? Ты обещал, что мы всегда будем вместе – в беде и в радости, в горе и в удаче... И вот я жду как дура! – со слезами сказала жена. – Годами! Сижу дома и жду!..
– Хорошо, хорошо, я понял, – поспешно заверил ее Бережковский. – Знаешь что? Давай действительно плюнем на все и через месяц поедem в Грецию. Или в Испанию. А?
– Ты обещаешь?
– Конечно. Если Эраст купит мою историю – сразу заказываешь билеты. Идет? Ну, будь умницей и не плачь. Хорошо? Я тебя целую!
– И я тебя...
Бережковский дал отбой и снова услышал громкое гульканье голубей в окне и на веранде.
– Кыш! Кыш, суки! – крикнул он в досаде. – Блин! Плохая примета – голубь в окно...
Звонок в дверь.
– Открыто!
Сделав нечто вроде кульбита, влетел семнадцатилетний разносчик с пиццей в коробке и двумя бутылками пива.
– Оп! – сказал он и театрально расшаркался. – Кушать пода...
Но Бережковский недовольно перебил:
– Привет! Что так долго? Ты Коля или Сережа?
– Я Сережа, – сообщил разносчик.
Бережковский стал расплачиваться за пиццу.

– Вечно я вас путаю. А мать-то вас различает?
– Только по голосу. Но мы ее тоже дурим.
– Сдачу не нужно.
– Спасибо. А можно спросить?
– Валяй. – Бережковский открыл коробку и принялся за еду.
– Вот вы сейчас кино снимаете...
– Я – нет.
– Ну, по вашему сценарию снимают, я слышал. А мы с Колей могли бы там сняться?
– В массовке? Наверное...
– Знаете, я хочу подарить вам нашу кассету. Вот. Мы с братаном песни пишем, у нас и группа есть. Только раскрутиться, конечно, не на что. Даже нормальной гитары нет. Может, вы нам поможете? Послушайте кассету.

Двумя нежирными пальцами Бережковский взял кассету и усмехнулся:

– Как же я вам помогу?
– Ну, вас все знают! Вы все можете.
– Нет, дорогой, я не лезу в шоу-бизнес. Это отдельный мир. – Бережковский взглянул на кассету. – А что тут написано?

– «Группа товарищей». Это наша группа так называется.

Бережковский впервые внимательно посмотрел на разносчика:

– Гм... Хорошее название... – И, осененный идеей, заинтересованно шагнул к разносчику. – Слушай, а тебе сколько лет?

Тот отодвинулся:

– Девятнадцать. А что?
– То есть ты уже это... взрослый?

Разносчик опять отодвинулся:

– А-а... а вам зачем?
– Ну, мне-то ты можешь сказать. Чего ты боишься?
– Мало ли?.. Мне Коля сказал... Вы это... Вы имейте в виду: I am strait.

– Мудак! – в сердцах сказал Бережковский. – Я тоже «стрэйт»! – И вернулся к пицце. – Вот публика! «Группа товарищей»!.. Ты, группа товарищей! Ну-ка, скажи мне: сколько вы зарабатываете?

– В каком смысле? Песнями?

– Нет, песнями вы еще ни хрена не зарабатываете. Пиццами. Вот ты пиццу целый день разносишь. Сколько ты на этом имеешь?

– Ну, как когда...

– Меня не интересует, как и когда. Меня интересует конкретно: сколько вы набиваете за день? Максимум.

– Ну, больше десятки мало кто сверху дает. Если в день двадцать заказов...

– Двести рублей.

– Плюс зарплата сто баксов.

– И вы с братом работаете через день? Выходит, в месяц каждый из вас имеет двести баксов. А теперь скажи мне, как мужчина мужчине, у тебя бывают взрослые женщины?

– В каком смысле? – осторожно спросил разносчик.

– В каком, в каком! В прямом! – И Бережковский сделал выразительный жест. – Вот в этом!

– Ну, Андрей Петрович... – замялся разносчик. – Честное слово, я не по этому делу. Я только пиццу доставляю...

– Мудак! Я что – прошу тебя мне бабу доставить? Ты хочешь, чтобы я вам помог с раскруткой? Отвечай на вопросы. Какая *самая* взрослая женщина у тебя была? Какого возраста? Только честно!

– Ну, если честно, то одна была. Заказала пиццу, а потом...

– Сколько ей лет?

– Тридцатник. С гаком.

– Так. Ну и как тебе?

– Что?

– Ну, как тебе было с ней?

– Ничё... Нормально... – ухмыльнулся парень. – Сиськи, конечно, висяк. А так ничё.

– Ясно. Значит, в месяц ты делаешь двести баксов, и твой брат двести. А хорошая гитара сколько стоит?

– Ну, разные есть...

– А самая приемлемая, по минимуму?

– Ну, одну нам предлагают, не новую, но вполне...

– Сколько?

– Хотят шесть сотен. Зелеными.

– Значит, за пять отдадут. А у вас сколько есть?

– У нас? Триста двадцать. – И с надеждой: – А вы чё, добавите?

– Я – нет. Но представь ситуацию. В вашу пиццерию приходят три девицы лет по семнадцать – двадцать. И говорят: «Коля...»

– Я Сережа, – поправил парень.

– Не важно. «Сережа, – они говорят, – сегодня нашей маме сорок, и мы хотим сделать ей подарок. Отнеси ей пиццу, шампанское и... Ну, ты понимаешь. Проведи с ней ночь и получишь двести баксов». Пойдешь?

Сережа возмутился:

– Да вы чё?!

– Я ничё. Они тебе ее фото показывают. Нормальная женщина. Не Волочкова, конечно, но, допустим, Яковлева. Пойдешь?

– Вы серьезно, что ли?

– Еще как серьезно! Ночь с Яковлевой, и гитара – твоя. А?

– Ну, я не знаю... А если она не даст?

– Тебе? Как это? Ты посмотри на себя! Ты же герой! Домогаров! Будешь ей свои песни петь! Ну, договорились?

– Не знаю... Надо подумать... Может, мы с братаном «орел-решку» кинем...

– Вот именно, – удовлетворенно сказал Бережковский. – Иди подумай.

– А где эти девахи?

– Какие?

– Ну, заказчицы.

– А! Уже решил! Ты иди, я их вызволю. Пока.

– Yes! – И, сделав выразительно-мужской победный жест, Сережа выскочил за дверь.

А Бережковский поспешно набрал телефонный номер.

– Приемная, – отозвался голос секретарши.

– Наташа, здра... – начал Бережковский, но спохватился: – Гм... Это Бережковский. Меня Эраст Константинович просил ему позвонить...

– Я в курсе. Сейчас попробую.

И опять из телефона грянула песня «С нами пушки системы „Град“, за нами Путин и Сталинград!». После чего мужской голос перебил мелодию:

– Андрей, здравствуй. Ну?

– Значит, так, – сказал Бережковский. – Три сестры в новогодний вечер приходят в пиццерию и говорят молодому разносчику пиццы: «Слушай, мы хотим нашей маме сделать новогодний подарок. Она сейчас дома одна, ты отнеси ей пиццу, шампанское и... Ну, сам понимаешь. Если все будет нормально, утром получишь двести баксов». Парень кочевряжится: «Вы чё, сдурели?» Но ему нужны деньги на хорошую гитару, он пишет песни и создал группу под названием «Группа товарищей». Короче, он идет к этой маме с пиццей, шампанским и гитарой. А это, оказывается, вовсе не уродка и не старуха, а, скажем, Яковлева...

– Милена? – уточнил Эраст.

– Можно взять на эту роль Милену, – согласился Бережковский.

– Понял, «Ирония судьбы-2», – сказал Эраст. – Я покупаю. Сколько серий?

– Две.

– А четыре?

– Четыре не вытяну.

– Хорошо. Две. Когда будет сценарий?

– Через месяц.

– Нет, через две недели. У меня съемочная группа освобождается от «Вечной любви».

И сразу приступит. Все. Пока.

– Эраст, минутку! Мне нужен аванс. У меня правило...

– Я знаю. Закон Бережковского. Ни строчки без аванса. Завтра у Максима. Пока.

Гудки отбоя.

– Yes! – крикнул Бережковский с тем же победным жестом, как и разносчик пиццы, и чечеткой прошелся по комнате. – Yes!

Затем набрал телефонный номер.

– Междугородняя, – откликнулась трубка, – тридцать первый.

– Здравствуйте. Примите заказ. Салехард, больница имени Губкина, доктора Гинзбурга.

Тридцать за справку, тридцать за вызываемое лицо. Мой телефон 205-17-12, фамилия Бережковский.

– Приняла. Ждите.

Гудки отбоя. Бережковский включил компьютер, собрался работать. Но снова – телефонный звонок, и он тут же снял трубку:

– Аллю!

– Андрей Петрович, это Кароян...

– Стоп! – перебил Бережковский. – Я тебя убил.

– В каком смысле? – оторопел Кароян.

– В прямом. Я написал Бисмарку ретроспекции в молодость. Он в молодости был жуткий бабник, выиграл двадцать восемь дуэлей. Я написал его дуэль с маркизом Карояном. И Бисмарк убил Карояна. Наповал. Так что ты уже труп, больше не звони.

– Я хотел сказать: мы сняли сцену в гроте. Классно получилось.

– А, ну тогда живи!

Тут вклинилась телефонистка, перебила:

– Междугородняя! Салехард заказывали?

– Да, – сказал Бережковский.

– Положите трубку!

– Положил... – усмехнулся Бережковский.

И тут же новый звонок, телефонистка сообщила:

– Салехард на линии. Гинзбург на операции. С дежурным врачом будете говорить?

– Буду, – сказал Бережковский.

– Говорите.

Бережковский взглянул на часы:

– Алло!
Трубка отозвалась сухим женским голосом:
– Слушаю.
– Здравствуйте. Вы дежурный доктор?
– Да.
– Я звоню из Москвы, моя фамилия Бережковский Андрей Петрович. Я по поводу Елены Зотовой...
– Зотова оперируется, – перебил голос.
– Я понимаю. Я хотел спросить: как идет операция?
– Операция идет нормально.
– Но она идет уже пятый час...
– Да, пятый. Это вам не книжки писать. У вас все?
– Все, спасибо. – Он положил трубку. – Вот сука!
Встал и медленно вышел на веранду.
Над Москвой шел дождь.
Андрей Петрович стоял на веранде, смотрел в дождливое небо.
Затем вернулся к компьютеру и принялся за работу.
Из марева летнего дождя соткался зимний день, рождественская метель...

«Москва, вечер, рождественская метель, – писал Бережковский. – Привлекательная женщина лет сорока сидит перед телевизором, вяжет и смотрит «Новогодний огонек».

Звонок.

Женщина в недоумении встает, открывает дверь.

Входит разносчик пиццы. Он в костюме Деда Мороза. В руках елка, пицца в теплой упаковке, бутылка шампанского, через плечо – гитара.

Крупный план: женщина смотрит изумленно.

– Что вам угодно?

Разносчик пиццы:

– Я вам доставил новогодний подарок.

Входит, устанавливает елку, ставит на стол пиццу и шампанское. Снимает шубу, отклеивает усы и бороду, садится за стол, открывает шампанское.

Женщина в крайнем изумлении:

– Молодой человек, что это значит?

Разносчик показывает на настенные часы:

– Уже без трех двенадцать. Я хочу поздравить вас с Новым годом.

Разносчик разливает шампанское по бокалам. Встает, произносит тост:

– Я хочу пожелать вам вечной молодости и счастья!

Женщина растерянно отвечает:

– Спасибо...

Часы бьют двенадцать.

Разносчик и женщина чокаются, выпивают. Женщина говорит:

– Большое спасибо. А теперь вам пора уйти.

Разносчик:

– Никак нет. Я хочу пригласить вас на танец.

Разносчик церемонно кивает головой и шелкает каблуками.

Женщина отрицательно качает головой:

– О танце не может быть и речи. И вообще прекратите этот балаган. Кто вас послал?

Разносчик берет гитару, становится перед женщиной на колени и начинает петь...»

Резкий и длинный телефонный звонок вырвал Бережковского из работы. Он испуганно дернулся, схватил трубку:

- Алло!
- Салехард вызывает Бережковского. Будете говорить?
- Буду!..
- Говорите...

Затем послышался мужской голос:

- Андрей Петрович?
 - Да, слушаю!
 - Это доктор Гинзбург. Операция закончилась. Елена жива.
 - Спасибо. Я могу с ней?..
 - Нет, конечно! Она еще спит. До свидания.
 - Минуточку! Доктор!
 - Слушаю вас.
 - А что вы вырезали?
 - Опухоль.
 - Где?! – вскричал, не выдержав, Бережковский.
 - Это она вам скажет сама. Когда проснется, – спокойно отвечал доктор. – Я только выполнил ее просьбу и сообщил вам результат операции. Всего хорошего.
 - Спасибо. Последний вопрос! – поспешно сказал Бережковский.
 - Да...
 - А на кого она больше похожа – на Гурченко или на Анук Эме?
- Гудки отбоя.

Сентябрьский дождь...

Октябрьский листопад...

И первая ноябрьская метель...

Она мела по всей земле, во все пределы...

Но в мансарде Бережковского было тепло и даже уютно. К тому же здесь произошли кое-какие изменения – вся студия была теперь увешана большими, в полный рост, портретами юных Гурченко, Анук Эме, Удовиченко и Софи Лорен.

И Бережковский разговаривал с Салехардом совсем другим тоном, он просто кричал в трубку:

- Я тебя хочу! Понимаешь? Хочу!
- Успокойтесь, Андрей Петрович, – отвечала из Салехарда Елена.
- Не хочу я успокаиваться! И не буду! А хочу, чтоб ты села в самолет и через три часа была здесь! За мой счет!
- Это невозможно.
- Все возможно! Все! Главное – захотеть! Запомни это! А я хочу тебя так, что сейчас сам сяду в самолет!
- Перестаньте, Андрей Петрович. Вы не можете меня хотеть.
- Не могу? Почему?
- Потому что вы для меня не обыкновенный человек, а фантом, из другого мира...
- Да обыкновенный я! Обыкновенный!
- Нет-нет! – испугалась Елена. – Если вы обыкновенный, то зачем вы? Тут знаете сколько обыкновенных вокруг...

– Ну хорошо. Я необыкновенный. И необыкновенно тебя хочу! Поэтому – срочно в самолет! Пожалуйста!

– Не нужно об этом, Андрей Петрович, мы не увидимся.

– Но почему?! Почему?! Елена, ты слышишь? Почему мы не увидимся?

– Потому что я не имею права вас потерять.

– Как это? Я не понимаю.

– Андрей Петрович, сколько лет вы были в первом браке?

– Восемь. А что?

– А во втором?

– Шесть. Но при чем тут?..

– А в третьем?

– При чем тут браки?!

– Хорошо, забудем о браках. Они бракуют любовь. А сколько времени у вас была ваша самая лучшая любовница?

– Понятно. Ты хочешь сказать, что я козел, ветрогон, не знаю кто...

– Я этого не сказала.

– А я могу спросить у тебя прямо и открыто? Ты хочешь меня? Да или нет? Только честно!

– Андрей Петрович, – негромко сказала Елена, – я хочу вас уже много лет. Да, с тех пор как я прочла вашу первую книгу, я хочу вас. Я хочу целовать вас, любить вас, чувствовать. Я хочу спать на вашем плече, слышать, как бьется ваше сердце! Поверьте, я вас *очень* хочу! *Очень!* Я уже давно не люблю своего мужа – это злой, мелкий и хищный зверь, который думает только о себе. Даже когда мне делали операцию, он улетел на сафари. И если я живу с ним, то только из-за дочки. Потому что я никогда не заработаю ей на такую квартиру, машину, игрушки, одежду...

– Ты плачешь?.. Ну все, все, не плачь. Пожалуйста!

– Уже не плачу... Знаете, если честно, то я ведь давно живу с вами.

– Как это?

– А так... Раньше, когда муж приходил ко мне, я отключала сознание и, как тряпичная кукла, просто ждала, когда он сделает свое дело и освободится. И все. А теперь...

– Что теперь?.. Говори!

– Я боюсь, вы меня не поймете. Или обидитесь.

– За что?

– Ладно, я скажу. Знаете, теперь я сплю с дочкой в обнимку, в ее комнате. И очень редко пускаю мужа к себе. Ну, раз в месяц. Или еще реже. И когда это происходит, когда он спяну и силой все же добивается этого, я в эти минуты думаю о вас. Как бы вы это сделали. Вы меня прощаете?

– За что?

– За то, что я так использую вас.

– Послушай, я хочу тебя! – снова вскричал Бережковский. – Я хочу тебя сейчас, здесь, немедленно! Я хочу показать тебе, как я это делаю...

– Я знаю, как вы это делаете, – негромко отвечала она.

– Откуда?

– Вы описали это в своих книгах. Только не говорите, как в своих интервью, что вы все это сочинили и не отвечаете за поступки своих персонажей. Такое сочинить нельзя.

– Хорошо. Я и не говорю. Больше того, я скажу тебе, что я делаю это даже лучше, чем описал. Потому что все описать нельзя. И поэтому садись в самолет и прилетай.

Она молчала.

– Ну?! – настаивал он. – Я прошу тебя!

– Помните, я просила вас прислать мне вашу рубашку? – вдруг сказала она. – Ношеную. Я получила ее неделю назад. А вчера...

– Что вчера? Говори...

– Вчера я шла по магазину. Вокруг была обычная толчея, и вдруг – вдруг я замерла на месте. Просто замерла, потому что оказалась в облаке вашего запаха. Да, ваш запах, запах вашего тела, который вы прислали мне в своей рубашке, был вокруг меня, и, наверное, целую минуту я, закрыв глаза, стояла в нем, не могла сдвинуться с места. А потом он исчез, как схлынул, я открыла глаза и бросилась по магазину искать вас или того, кто нес ваш запах. Но не нашла, конечно, это, я думаю, было просто наваждение...

– Я хочу тебя, – негромко сказал Бережковский.

– Такие наваждения случаются со мной все чаще, – продолжала она, словно не слыша его. – То лицо на плакате улыбается вашей улыбкой, а то вдруг проснусь среди ночи от физического ощущения ваших объятий...

– Я хочу тебя, слышишь? – снова вставил он.

– И это ужасно, – продолжала она, не слыша его, – сладостно и ужасно думать о вас постоянно, слышать ваш голос, мысленно говорить с вами и мысленно спать с вами...

– Я хочу тебя, черт тебя побери!

– А вы верите в телепатию? Я, например, не сомневаюсь, что она есть, что это вы думаете обо мне по ночам, приходите ко мне, любите меня и терзаете меня так сладостно, как это описано в ваших романах. И вся моя жизнь проходит теперь в наваждении вами...

– Елена! – закричал он с мукой. – Я хочу тебя! Блин!

Но она и на это не обратила внимания:

– А вчера, придя из магазина, в который залетело облако вашего запаха, я почти сразу же легла с дочкой спать, но где-то около часу ночи вдруг – стук в дверь. Я встала, открыла – это были вы. Вы вошли, сняли шляпу, повесили ее в прихожей на вешалку и прошли за мной в спальню. Здесь вы сели, и мы стали говорить. Я не помню, о чем мы говорили, я только пила ваш голос, хотя говорили мы о чем-то очень важном. И долго говорили, очень долго – я сказала вам, как я люблю вас, как жду и как вы приходите ко мне по ночам и берете меня сонную. А вы объясняли, что вы заняты, что у вас срочные и архиважные дела, что сотни людей ждут ваши пьесы, сценарии... А потом вы ушли, а я стояла в двери босиком, в одном халате и смотрела, как вы уходите, и вдруг вспомнила: шляпа! Вы забыли шляпу! Я схватила с вешалки эту шляпу и побежала за вами, но вас уже не было, только наружная дверь в подъезде была открыта, и в нее сильно дуло. Я вернулась, повесила шляпу на вешалку, легла и разом уснула. А утром... Утром я увидела вашу шляпу на вешалке и просто ошалела, у меня все оборвалось внутри... Но муж сказал, что это вчера, поздно ночью, когда я уже спала, к нему приходил его партнер, выпил, как обычно, три стакана водки и ушел, забыв эту шляпу на вешалке. Но я уверена, что он врет, это ваша шляпа, у нее ваш запах. Скажите, пожалуйста, вы носите шляпы?

– Нет. У меня и нет ни одной. Но я куплю к твоему приезду. Когда ты приедешь? Елена, ты слышишь? Ты должна приехать! Имей в виду, мне нельзя отказывать! Елена!

– Слышу... Я не приеду.

– Но почему?!

– Я думаю, вы уже поняли, Андрей Петрович.

– Что я понял? Я ничего не понял! Я хочу тебя! Срочно! Сейчас! Ты знаешь, что у меня весь кабинет уже увешан портретами Гурченко, Анук Эме, Удовиченко и Софи Лорен?!

Она удивилась:

– Зачем?

– Потому что! Твой Гинзбург сказал, что ты на них похожа!

– Но, я надеюсь, вы... Вы не мастурбируете на них?

– Мастурбирую! – выкрикнул он в запале. – Да, бегаю тут голый по кабинету и мастурбирую! Между прочим, ты знаешь, что в армии все солдаты мастурбируют на актрис. То есть у каждого в тумбочке, с внутренней стороны дверцы приклеена фотография какой-нибудь кинозвезды и... Ты только представь: от Питера до Камчатки восемь часовых поясов! И получается, что одних и тех же актрис круглые сутки трахают сотни тысяч солдат! Если, как ты говоришь, существует телепатия, то я просто не представляю, как эти артистки могут выжить при такой групповухе!

– Я уже читала об этом.

– Где?

– В романе Бережковского «Такая красная армия».

– Блин! – произнес он с досадой. – Я уже все написал! Я даже не знаю, о чем мне теперь поговорить с девушкой...

– Расскажите мне про Бисмарка.

– При одном условии.

– Каком?

– Ты скажешь, на кого ты похожа – на Гурченко? На Анук Эме? Или на Удовиченко? В конце концов, я имею право знать, с кем я сплю в Салехарде! Иначе это просто какое-то анонимное изнасилование! Вы, гражданка, не имеете права! Я на вас в суд подам! Да-да – встать, суд идет! Гражданка Зотова, признаете ли вы, что еженощно, с помощью телепатии, вступаете в интимную связь с писателем Бережковским и используете его в своих сексуальных...

Елена засмеялась:

– Стоп, стоп! Сдаюсь! Хорошо, я скажу вам, на кого я похожа. Но сначала – о Бисмарке. Вы обещали.

– То-то... Ладно. – Бережковский устроился в кресле, открыл свою рукопись. – Излагаю только исторические факты. Весной 1862 года прусский король Вильгельм отозвал из Петербурга своего посланника Отто Бисмарка. Воюя со своими социалистами, король крайне нуждался в «железном» Бисмарке, но все оттягивал назначить его канцлером – боялся отдать ему государственную власть. В ожидании этого назначения Бисмарк пребывал в роли прусского посланника в Париже, предавался хандре и в конце концов отправился на юг Франции, на модный курорт Биарриц. Седьмого августа в этот же Биарриц, в отель «Европа», где Бисмарк поселился всего на три дня, прибыл тридцатилетний князь Николай Орлов, русский посланник в Брюсселе. Герой Крымской войны, он при штурме турецкой крепости получил девять ран и лишился левого глаза. В Биарриц князь Орлов прибыл со своей двадцатидвухлетней женой Екатериной. Урожденная Трубецкая, она родилась и получила образование во Франции и была ошеломляюще прелестна. Во всяком случае, сорокасемилетний Бисмарк влюбился в нее, как мальчишка. Позабыв о своем короле, он целых пять недель не отходил от нее ни на шаг... – Бережковский налил себе чай из чайника. – Только, Елена, не думайте, что я все это сочинил! Бисмарк к этому времени уже двадцать лет был женат на милойшей, но тусклой Иоганне, и давно не жил с ней постельной жизнью. Зато, как истинный немец, ежедневно писал ей письма. Например, такие: «Я покрылся морской солью и загаром, и ко мне возвращается моя прежняя бодрость... Рядом с Кэти я до смешного здоров и счастлив...» Правда, биографы Бисмарка старательно прячут от нас этот роман. Один пишет: «Между ними возникли сентиментальные платонические отношения». А второй добавляет: «Очаровательная русская женщина вечерами играет ему возле открытого окна, над морем, его любимые вещи Бетховена и Шопена. Князь Орлов снисходительно взирал на эту дружбу». Я, Леночка, пока оставляю это без комментариев, пусть факты говорят сами за себя. Первого сентября Орловы отправились из Биаррица в путешествие по югу Франции, и Бисмарк буквально увязался за Кэти. Но тут случилось нечто странное. Согласно официальной версии, в горах Понт-дю-Гарэ, где Бисмарк гулял с Кэти, она оступилась на «живом» камне и заколебалась на краю обрыва... «В ту же секунду, – пишет

Бисмарк жене, – я быстро шагнул к княгине и, обхватив ее одной рукой, спрыгнул в канал глубиной в пять футов». Не знаю, поверила ли Бисмарку Иоганна, но Николай Орлов, увидев на жене следы этого падения, тут же усадил ее в карету и увез из Авиньона в Женеву. На прощание Кэти подарила Бисмарку агатовый брелок и веточку оливкового дерева. Но и теперь биографы Бисмарка не видят в этом ничего, кроме чистой платоники...

– Андрей Петрович, – сказала Елена, – а вы вообще не верите в платонические отношения?

– Нет, – усмехнулся он, – не верю.

– Почему?

– А потому! Бисмарку сорок семь лет, это могучий великан, эдакий Жан Маре или Петренко, и притом – гениальный политик и бабник! На его счету двадцать восемь дуэлей!

– И что?

– А то! Нам хотят впарить, будто *этот* Бисмарк пять недель просто так, платонически волочился за двадцатилетней женой инвалида! Бисмарк, который уложил на лопатки всю прусскую оппозицию, не уложил какую-то девчонку!

– Но Кэти была княгиней...

– И что? Эта княгиня родилась и выросла во Франции! А все француженки, которых после падения Наполеона затрахали русские казаки, обожали «la mur a la Russky kozak».

– Фи! Как вам не...

– Подождите! – отмахнулся Бережковский. – Все претензии туда, к Богу! Суть моего фильма вовсе не в том, где, как и когда Бисмарк имел юную княгиню. Мало ли в истории половых гигантов! Суть в другом. Бисмарк любил Орлову четырнадцать лет – страстно, безумно, это достоверный факт, она была его «женщиной жизни»! И ради него она летом приезжала в Биарриц, а Бисмарк на весь этот срок перевозил туда всю свою канцелярию – во враждебную Францию, представляете?! Ну, это как если бы Путин на лето вывозил в Майами все наше правительство ради... Ну, не знаю...

– Шарон Стоун? – засмеялась Елена.

– Вот именно! Но мне и на это плевать! Я тут вижу совсем другое! Бисмарк по рождению – из мелких помещиков. А Орлова – княгиня, особа царских кровей. И вот этот комплекс, это стремление уравниаться в звании со своей возлюбленной крайне важны для понимания не только их романа, а вообще всей человеческой истории! Потому что все, что мы делаем в жизни, Елена, мы делаем ради любви. В детстве, едва родившись, мы орем и сучим ножками, требуя, чтобы нас любили – взяли на руки, качали, кормили. В школе мы стараемся не хватать двоек – но вовсе не ради знаний, а только чтобы нас любили родители. Ну и так далее, всю жизнь. Мы совершаем подвиги и преступления, открываем новые земли и грабим банки, завоевываем народы и проникаем в тайны природы – только для того, чтобы нас любили. Бисмарк каждый год складывал к ногам возлюбленной свои победы в Европе. Все это великое и гребаное германское государство, Тройственный союз Германии, Франции и России – все, я уверен, было создано им ради того, чтобы Кэти постоянно видела рост его величия! И пока она была жива, его звезда неуклонно восходила, он добился феноменальной власти и воистину манипулировал королями и императорами. А когда из России пришло сообщение, что Кэти заболела чахоткой и умерла, Бисмарк тут же бросил политику, замкнулся в своем поместье, впал в депрессию и несколько лет не принимал никого, даже короля! Как вы думаете, отчего?

– Отчего? – осторожно переспросила Елена.

– Читаю по книге: «Бисмарку понадобилось долгих семь лет, чтобы смириться с потерей Кэти Орловой. Лишь нечеловеческим усилием воли, мучительной спарганской диетой и изматывающими упражнениями он отвоевал у смерти еще пятнадцать лет». – И Бережковский отложил книгу. – При этом учтите: Бисмарк таки получил от короля титул князя. Но теперь, после смерти Кэти, он уже ни в грош это звание не ставил. Согласно его завещанию, в его гроб

вместе с ним положили не его ордена, а только агатовый брелок и портсигар, в котором он хранил ветку оливкового дерева из окрестностей Понт-дю-Гарэ... Вот такая история, Елена, вы не устали?

Чуть помолчав, она спросила:

– Скажите, вы видели фильм «Полярная звезда»?

– «Полярная звезда»? Никогда не слышал...

– Да, к сожалению, это малоизвестная картина. И старая – ей уже лет шесть, наверное.

– А почему вы спросили?

– Этот фильм снимали здесь, в Салехарде. Я тогда училась в пединституте и подрабатывала к стипендии показом мод. Ну, была моделью. И в этом фильме есть одна сцена... Короче говоря, я выполняю свое обещание. Если вы найдете этот фильм, то увидите в нем меня. Там есть сцена показа мод за Полярным кругом, ее снимали в нашем Дворце нефтяников...

Но Бережковский уже и так все понял и, не откладывая, набрал номер на своем мобильном телефоне, тихо сказал в эту трубку:

– Сережа?

– Нет, Коля, – ответили ему.

– Привет, Бережковский.

– Понял, пиццу и две «Балтики».

– Алло! – сказала Елена по городскому телефону. – С кем вы там говорите?

– Минуточку, Елена, – попросил он и, отодвинув трубку городского на расстояние вытянутой руки, снова негромко сказал в мобильный: – Нет, Коля, не пиццу. А за мой счет – живо в такси на «Горбушку». Кровь из носа, но достань там фильм «Полярная звезда». С меня – десять баксов! Все! Вперед! – и выключил мобильный.

– С кем вы там говорите? – сказала Елена.

– Леночка, я беру тайм-аут.

– Почему? Вам надоело со мной разговаривать?

– Нет, конечно! Просто за мной сейчас приедут, мне нужно ехать на студию.

– Хорошо, я вас отпускаю. Только один вопрос. Можно?

– Конечно.

– Скажите, а писатели завоевывают мир тоже ради любимой женщины?

– А вы знаете, кто подарил нам Достоевского? Мария Исаева, жена офицера-интенданта в Семипалатинске. Ссылный Достоевский влюбился в нее так!.. Кем он был? Прыщавый, сутулый, тридцатитрехлетний каторжанин, автор единственной и уже полузабытой повести «Бедные люди», которого за связь с петрашевцами пожизненно сослали в каторгу и в солдаты. Где он и должен был сгинуть, если бы не эта любовь. О, там была такая интрига! Он соблазнял Марию больше двух лет. За это время спился и умер ее муж, а она полюбила другого. Но Достоевский все продолжал добиваться ее. Он обещал ей стать таким же знаменитым, как Толстой и Тургенев, и, как они, получать по 500 золотых рублей за печатный лист. Он обещал повезти ее в Москву, в Санкт-Петербург, в Европу. Она смеялась: «Вы же ссылный солдат, Федор Михайлович!» И тогда он совершил подвиг – написал подхалимские оды царю и царице! Стихами! Эти стихи вы найдете только в полном собрании сочинений Достоевского и нигде больше. Но они есть! За них он получил от царя помилование и свободу. И Мария бросила молодого любовника и вышла за Достоевского. Так родился наш классик – сразу после свадьбы он сел писать. Хотя... – Бережковский замялся.

– Что «хотя»? – спросила Елена.

– К сожалению, то была пиррова победа.

– То есть? Не понимаю.

– Во время венчания Достоевский упал – эпилептический припадок. Судороги, конвульсии, слюна изо рта и прочие мерзости. И это вызвало у Марии физическое отвращение к мужу –

навсегда! За семь лет их супружества она ни разу не пустила его в свою спальню... Но тем выше его любовный подвиг – он безропотно, до самой ее смерти, пронес этот крест мнимого супружества, усыновил ее сына от первого брака и стал, как и обещал Марии, таким же знаменитым, как Толстой и Тургенев.

Тут раздался звонок в дверь.

Бережковский сказал Елене:

– А теперь извините, я должен... – И крикнул в дверь: – Открыто! Входите! – А Елене сказал: – Простите, ко мне пришли...

– Я слышу. Но самый последний вопрос: а ради кого работает писатель Бережковский?

– Можно мы поговорим об этом в следующий раз? – предложил Бережковский, глядя на разносчика пиццы, который уже вошел с видеокассетой в руках. – Я вам позвоню. До свидания.

И, бросив трубку, подбежал к разносчику, выхватил у него кассету.

– Уже сгонял на «Горбушку»? Так быстро?

– Нет, – сказал разносчик. – Купил в киоске через дорогу.

– Молодец! Ну-ка, кто режиссер этого шедевра? Козлов? Никогда не слышал...

Бережковский включил видеоманитофон, вставил кассету, нажал на «Play».

На настенном плазменном экране возникли заполярные пейзажи и титры фильма «Полярная звезда». Но Бережковский это смотреть не стал, нажал на кнопку «Forward», быстро прокрутил пленку в поисках нужного эпизода и тут же нашел то, что искал, – подиум, по которому под легкую музыку двигались высокие стройные модели в нарядах из заполярных мехов – соболь, норка, горностаи...

– Так... – лихорадочно сказал Бережковский, глядя на экран. – Блин, а где же она? Какая из них?

– Кто? – спросил разносчик.

Бережковский остановил пленку, вернул начало эпизода.

– Ну-ка, смотри, Коля, внимательно! Видишь эти портреты?

Коля посмотрел на портреты юных Гурченко, Анук Эме, Софи Лорен и Удовиченко.

– Ничего телки! – сказал он. – Где взяли?

– Мудак! Это Гурченко, Анук Эме, Удовиченко и Софи Лорен!

– Да-а? – удивился Коля. – Круто...

– А теперь сюда смотри, на экран. Мне нужно понять, какая из моделей похожа на этих актрис, понимаешь?

Коля почесал в затылке:

– Да никто не похож... Хотя... Может, вот эта – на эту?

– Да? Думаешь? Давай назад отматаем...

Бережковский снова отматывает пленку, останавливает кадр, снимает со стены портрет Гурченко, подносит к экрану.

– А? Как думаешь?

– Не-а, – сказал Коля. – Не она...

Бережковский взял другой портрет.

– Может, эта?

– Не-а... – снова сказал Коля. – А кто это?

– Анук Эме, французская актриса. «Мужчину и женщину» видел?

– Нет. Клевое кино? Порно?

– Подожди! – отмахнулся Бережковский. – Давай по-другому. Она мне говорила, что у нее грудь не то третий, не то четвертый размер.

– Кто? Эта Анука говорила?

– Да нет, не важно! Тебя не касается, кто говорил! – Бережковский включил видик. – Давай смотреть, у кого из этих моделей грудь четвертого или хотя бы третьего размера.

- А как мы узнаем? – удивился Коля.
- Элементарно! Смотрим первую! – И Бережковский остановил пленку на кадре с первой моделью. – Какой размер, как думаешь?
- Хрен его знает... – Коля подошел к экрану и приложил растопыренную ладонь к груди модели.
- Бережковский возмутился:
- Ты не лапай! Отойди! – и примерился сам. – Нет, смотрим следующую. – Включил промотку и остановил на новом кадре. – Черт, у этой вообще сисек нет. Следующая! – И на новом стоп-кадре: – Ну? Твое мнение?
- Не, я так не могу, – сдался Коля. – Я только на ощупь...
- На ощупь, на ощупь... – ворчливо сказал Бережковский. – На ощупь каждый может... – И снова примерился.
- Между прочим, вы мне десять баксов обещали, – напомнил Коля.
- Подожди, не сбивай!.. Нет, это тоже не то... Крутим дальше. – Бережковский прокрутил до следующей модели. – Черт, на чем бы померить?
- А чё тут мерить? – заметил Коля. – Тут вообще засуха!
- Ты прав. – Бережковский снова нажал на «Play» и тут же остановил, воскликнул: – Вот!
- Ну! Другое дело! – подтвердил Коля.
- Это она! Она! Точно! – возбужденно воскликнул Бережковский. – Она же говорила, что она шатенка! Я вспомнил!
- Да, – одобрительно произнес Коля, шагнув к экрану. – Тут есть за что взяться.
- Не подходи! – остановил его Бережковский. – Сколько я тебе должен?
- Десять баксов и еще двести рублей за кассету.
- Бережковский достал деньги.
- Держи. Тут пятьсот рэ.
- Включил проекцию и стал гонять изображение вперед и назад.
- Да, станок! – сказал Коля. – Супер!
- Давай, давай! Двигай отсюда! – подтолкнул его к выходу Бережковский.
- Коля, оглядываясь на экран, ушел.
- С восторгом глядя на экран, Бережковский остановил просмотр, возбужденно взъерошил волосы на голове и сделал победный жест кулаком в небо:
- Йес!
- После чего набрал номер на городском телефоне.
- Алло, – ответила Елена после третьего гудка.
- Это я. Значит, так, – сказал Бережковский, глядя на телеэкран. – Ты шатенка, рост метр семьдесят два или три, глаза зеленые, бюст третий номер, и на тебе лисья шуба до пола, а под шубой только бикини. Правильно?
- Елена засмеялась:
- Да.
- Тогда – все, слушай мою команду! – Бережковский посмотрел на часы. – Нет, одну минуту! – И набрал номер на мобильном.
- Справочная «Би Лайн», – сообщила трубка мобильного.
- Здравствуйте, – быстро сказал Бережковский. – Пожалуйста, посмотрите: следующий рейс из Салехарда в Москву – когда и есть ли места?
- Вам «эконом-класс» или «бизнес»?
- Это не важно! – нетерпеливо сказал Бережковский. – Главное – когда вылет?
- Пожалуйста! Рейс 123 «Салехард – Москва», вылетает из Салехарда в 15.05, прибывает во Внуково в 18.17, есть три места в «эконом-классе» и пять в «бизнесе». «Бизнес» стоит...

- Все, спасибо! – перебил Бережковский. Выключил мобильный и продолжил по городскому: – Елена, ты здесь?
- Да, я здесь, – ответила она.
- Значит, так. Ты вылетаешь в 15.05, рейс 123-й. Места есть. Если хочешь, я заплачу отсюда, у меня «Аэрофлот» через дорогу. Пожалуйста, вызывай такси!
- Андрей Петрович, вы же знаете: я никуда не поеду.
- Никаких разговоров! Я тебя жду!
- Вам привет от Гинзбурга.
- Какого еще Гинзбурга?
- Моего хирурга.
- При чем тут Гинзбург? Рейс через два часа!
- Я была у него с утра...
- Лена, собирайся!
- Послушайте меня! Вы ничего не понимаете! У меня сегодня такой день!
- Какой? – подозрительно спросил Бережковский.
- Сегодня полгода со дня операции. И вы представляете – рентген и все анализы показали, что у меня нет опухоли, вообще нет! У меня все чисто! Вы понимаете?!
- Вот и замечательно! Вылетай, мы это отметим!
- Вы ничего не поняли, ни-че-го!
- То есть?
- Я вылечилась вашим голосом! Понимаете? Мы с вами разговаривали каждую неделю, и ваш голос меня вылечил!
- Так тем более!
- Вот именно – тем более я не имею права к вам приближаться. Если я прилечу – ну сколько продлится наш роман? Сколько у вас была эта последняя – как ее? – Полонская?
- Бережковский насторожился:
- А с чего ты взяла, что у меня была Полонская?
- Ее голос улыбнулся:
- Вы же мне сами говорили еще тогда, в начале наших разговоров, что вам каждый день звонит какая-то Полонская. А потом перестали об этом говорить. А потом я прочла, что в вашем фильме «Мужчина к Новому году» Алина Полонская играет главную роль. Ну так сколько же длился ваш роман? Месяц? Два? Признавайтесь!
- Ты опасная женщина, – помолчав, сказал Бережковский. – Но я готов рискнуть. Собирайся и вызывай такси! У тебя вылет через два часа.
- Вы все еще не понимаете, Андрей Петрович. Я держусь на вашем голосе! Ваш голос меня лечит, он останавливает метастазы. Как же я приеду? Ведь я вас знаю. Буквально наизусть знаю. Сколько может продлиться наш роман? Ну, неделю, ну – две. А потом – все... Вы слышите, Андрей Петрович? Алло! Андрей Петрович!..
- Я здесь, – глухо отозвался Бережковский.
- Почему вы молчите?
- Я думаю.
- О чем?
- Неужели я такой мерзавец?
- Я этого не сказала. Просто вы увлекающийся человек. И для вас женщины как сюжеты. Сегодня увлеклись одним, а отписали его – и все, в сторону. В какой пьесе вы так сказали? В «Любви-убийце», помните?
- Но это не я! Это мой персонаж...
- Перестаньте! Даже Чехов всех своих персонажей писал с себя самого! Знаете, у кого я это вычитала?

– Знаю, – уныло сказал Бережковский, – у Бережковского. Этот засранец все написал, все!

– Ну зачем вы так о себе? Я вам не разрешаю. Я вас люблю.

– Так приезжай!

– Я не могу. Это будет самоубийство. Вы хотите меня убить?.. Алло!

Бережковский, не отвечая, выключил видеомagneтофон, и стоп-кадр с изображением Елены исчез с экрана.

– Алло, Андрей Петрович! – просила телефонная трубка.

Глядя на пустой экран, он сухо ответил:

– Да, я слушаю.

– Не бросайте меня! Пожалуйста! Я не смогу без вас жить! Вы слышите, Андрей Петрович?!

– Я слышу...

Хотя на самом деле он уже начал заниматься своими делами – держа одной рукой трубку, включил компьютер, поставил на плиту джеззу, засыпал в нее кофе...

– Вы меня не бросите, правда? – просила Елена со слезами в голосе. – Я прошу вас! Хотя бы раз в неделю пять минут вашего голоса, а? Андрей Петрович! Пять минут! Ну пожалуйста! Ну что вам стоит?

– Конечно, конечно. О чем разговор! – отвечал он без всякого выражения, продолжая заниматься своими делами. – Мы будем созваниваться.

– Правда? Вы обещаете?

– Я обещаю. Конечно. А сейчас...

– Я знаю. Вам нужно работать. Я не смею вас держать... Только скажите: я могу позвонить вам через неделю? Хотя бы на две минуты! Только услышать...

– Да, звоните...

– Простите меня! Я знаю, что я вас огорчила. Но поймите меня!..

– Я понимаю, понимаю. Позвоните через неделю.

– Можно, да?

– Можно. Будьте здоровы. Всего...

Нетерпеливо положив трубку, он снял с плитки закипевший кофе, налил себе в чашку. Посмотрел на портреты Гурченко, Анук Эме, Удовиченко и Софи Лорен, снял их один за другим со стены и порвал на куски.

Прошло полгода. Весна сменила зиму, лето сменило весну. В конце сентября Бережковский прилетел с юга в Москву. Он был строен, подтянут, в южном загаре и модном летнем «хаки-сафари». Студийный микроавтобус с надписью «МОСФИЛЬМ» привез его домой, следом грузчики вынесли из машины его легкий дорожный сак и тяжелый музыкальный автомат из тех, которые в США стоят во всех уличных забегаловках и пиццериях. Идя за Бережковским, понесли его в дом.

А Бережковский повел их напрямик в свою мансарду и, даже избегая по ступенькам к двери этой мансарды, энергично говорил по мобильному:

– Старик, я покрылся загаром, как Бисмарк в Биаррице! И чувствую себя великолепно! А знаешь почему? – И грузчикам: – Сюда ставьте, к стенке. Вот так. Спасибо. Там еще монтажный стол...

– Сейчас принесем, – сказали грузчики и ушли.

А Бережковский, расхаживая по студии с телефонной трубкой в руке, раздвигал шторы, открывал окна и дверь на балкон-террасу и говорил при этом:

– Потому что я теперь сам снимаю, сам! Как режиссер! Раньше я презирал режиссеров. В конце концов, кто они такие? Это мы, драматурги, – архитекторы и авторы фильмов и пьес. А

они кто? Просто подрядчики, исполнители работ. Причем чаще всего – плохие. Мне еще Фрид и Дунский – ты помнишь их? первоклассные были сценаристы! – еще они мне говорили: любой фильм – это кладбище сценария. И я все эти годы презирал режиссеров. Торчать на площадке и часами ждать, пока осветители, тупые с бодуна, поставят свет. А реквизиторы соберут реквизит. А оператор переждет тучку в небе. Да удавиться можно!.. Но! Оказывается, и Феллини, и Коппола, и Стоун были абсолютно правы, когда из сценаристов перешли в режиссеры. Это такой кайф, старик! Такой кайф! Собрать вокруг себя талантливых людей, которые работают на тебя, приносят тебе свои идеи, а ты решаешь, что брать, а что нет. Очень здорово! Теперь я понимаю вас, министров: власть вкуснее хлеба! Верно я говорю?

– Нам нечего посылать в Венецию, – ответил ему мужской голос. – Ты успеешь к фестивалю?

– Не знаю. Я не хочу спешить. Я хочу сделать фильм Бережковского. А фестивали никуда не денутся...

– Не выпендривайся, – попросил голос.

– Почему? Почему Сережа Соловьев может выпендриваться и снимать по два года, а я нет? Говорухин может выпендриваться, Абдрашитов может выпендриваться, Кончаловский и Михалков могут выпендриваться, а Бережковский не может?

– Мне сказали, ты снимаешь свою жену...

Распаковывая саквояж и раскладывая по местам ноутбук, несессер и прочие вещи, Бережковский ответил:

– Да, снимаю! В главной роли! А что в этом? Феллини снимал свою Джульетту Мазину, Кончаловский – вообще всех своих жен, в каждом фильме – новую, Сережа Соловьев, наоборот, – одну Таню Друбич во всех фильмах, а Бережковский – свою жену в своем первом фильме! И между прочим, неплохо получается! А знаешь почему? Потому что у меня с ней роман! Да, с собственной женой, можешь себе представить? И это замечательно!

Мужской голос осторожно спросил:

– Но она там играет?..

– Постельные сцены! – торжествующе воскликнул Бережковский. – Ха, тебе уже и это донесли, да? «Бережковский снимает сплошную порнографию». Так тебе доложили, верно? Ну, колись – так?

– Ну почти...

– А ты ничего не можешь сделать! В кино еще не ввели цензуру! – победно констатировал Бережковский. – Или это благодаря тебе? Это ты там костыми лежишь поперек восстановления цензуры? Но успокойся: Бережковский не снимает порнуху, он снимает совсем другое, он снимает фильм под названием «Интимные связи». Твои интимные связи, свои интимные связи и еще интимные связи всех тех, кто когда-либо спал с русскими женщинами. А это, между прочим, знаешь кто? Бальзак и Пикассо, Эйнштейн и Бисмарк, Максимилиан Шелл и тайландский принц Чакрабонг, и еще бог знает кто – им несть числа! Потому что ты знаешь, что такое русская женщина?

– Думаю, что да...

– Нет, – перебил Бережковский, заваривая себе кофе, – ты не знаешь! У тебя жена армянка. Смотри: французы внушили миру, что их уродки француженки самые изысканные любовницы. Испанцы – что испанки самые пылкие и чувственные. Про англичанок мы знаем, что они холодные, но стильные. Про евреек и японок – что они лучшие матери. А как насчет русских? Что мы сказали миру про наших женщин? Что они «коня на скаку остановят, в горящую избу войдут»? Ничего себе рекомендация! Для вступления в пожарные. Нет, я покажу в своем фильме, из-за чего именно в *русских* женщин влюблялись когда-то монархи Европы и, пренебрегая своими принцессами, возводили наших баб на английские, французские, британские и норвежские престолы. И почему Бисмарк сходил с ума по Кэти Орловой, Бальзак

на перекладных мчался от своих француженок в Орловскую губернию, Эйнштейн делил жену с Коненковым, тайландский Чакрабонг, принц сексуальной Мекки мира, утащил из России в Бангкок русскую жену Екатерину Десницкую. Что наши бабы дают всем этим иноземцам такого, чего они не имеют от своих? – И, выйдя на террасу, Бережковский уселся в кресло, вытянул ноги. – Ну? Скажи мне! Ты же министр, ты обязан знать!

– А ты знаешь?

– Я – знаю. Но не скажу. Ты это увидишь в моем фильме.

– Говорят, ты снял там сцену самосожжения женщин у древних руссов.

– Да, снял! – запальчиво сказал Бережковский, встал, вернулся в кабинет, подошел к музыкальному автомату и любовно огладил его. – Когда умирал рус – из тех, настоящих, которые пришли к нам из Скандинавии, – так вот, когда умирал рус, его тело сжигали так, как греки сжигали своих царей в фильме «Троя». Ты видел «Трою»?

– Я министр...

– Вот именно! – Бережковский чуть передвинул автомат и включил его шнур в розетку. – Но разница между греками и русами в том, что преданные гречанки стояли и смотрели на огонь, а преданные своим возлюбленным русиянки шли в этот огонь. Добровольно – это исторический факт! Он описан у первого иранского посла в России...

Тут вошли грузчики, внесли монтажный стол.

Не прерывая телефонного разговора, Бережковский сказал им негромко:

– Сюда, пожалуйста. Сколько с меня?

– Да сколько не жалко, – ответил грузчик.

– Жалко все, – заметил Бережковский. – Но вот триста рэ. Спасибо.

Грузчики взяли деньги и ушли.

А Бережковский сказал в телефон:

– Между прочим, клевая была история! Еще до принятия на Руси христианства один из наших князей взял у иранского шаха крупный заем на то, чтобы обратить своих подданных в ислам. Это был первый, как ты понимаешь, транш, который исчез на просторах нашей великой родины точно так, как и все последующие. Но шах – это же не Клинтон и не Камдессю, шах давал свои собственные бабки, и спустя пару лет, в 922 году, он послал в Россию некоего Ахмеда ибн Фадлана выяснить, куда делись его драхмы и тот князь, который их брал. Какой был результат, как ты думаешь?

– Ни денег, ни князя.

– Точно! Наша национальная традиция. Устойчивая в веках. Бабки берем, меняем правительством и – ни бабок, ни тех, кто их брал! Зато у каждого бывшего князя и даже у каждой бывшей княжны – свой замок на Лазурном берегу.

– Пожалуйста, без намеков.

– А что? – невинно спросил Бережковский. – У нас уже и мобильники прослушивают?

– Да ну тебя! – ответил обиженный голос, и трубка загудела гудками отбоя.

Бережковский отложил ее и, продолжая возиться с музыкальным автоматом, нажал одну кнопку... другую... третью...

«Офицеры! Россияне! Пусть свобода воссияет!..» – неожиданно оглушил его автомат.

Бережковский даже отскочил, потом приглушил звук. Любовно огладил автомат.

– Прикольная вещь! Ну как было не стырить на съемках собственной картины?

В открытую дверь заглянул разносчик пиццы. Теперь он был в джинсовом костюме и шелковой рубашке.

– Я на бегу, – сказал он. – Вам все доставили, Андрей Петрович?

– Да, Коля, все в порядке, спасибо.

– Я не Коля, я Сережа. Но дело не в этом. Я надеюсь, вы грузчикам не платили?

– Почему? Я заплатил...

– Блин! – возмутился Сережа. – Я же им сказал не брать с вас денег! Я все оплатил из бюджета фильма!

– Вот сволочи! – выругался Бережковский.

– Андрей Петрович, вы помните? Вечером у нас режимная съемка на Тверской. Машина придет за вами в двадцать один ноль-ноль. Мы с Колей будем оба на площадке с девятнадцати.

– Слава Богу! Наконец я вас увижу вместе.

Сережа исчез. Зазвонил телефон. Бережковский взял трубку.

– Это я, – сказала жена. – Ты уже работаешь?

– Да, дорогая.

– Жаль...

– Извини.

– Что тебе приготовить на ужин?

– У меня сегодня вечерняя съемка.

– Начинается! Опять у Швыдкого, «Культурная революция»?!

– Нет, у Бережковского, «Интимные связи».

– Разве мы еще не все сняли?

– С тобой – все. Но там еще...

– А кого ты сегодня будешь снимать?

Бережковский не выдержал, рявкнул:

– Блядей на Тверской! Дай мне работать!

Жена, конечно, обиделась:

– Я просто хотела поговорить... А ты...

И дала отбой.

Бережковский тяжело вздохнул, включил автоответчик.

– У вас шестнадцать новых сообщений, – сказал металлический голос. – Сообщение первое. – И голосом Елены: – Здравствуйте, Андрей Петрович! Это Елена из Салехарда. Ваш автоответчик сообщает, что вы уехали на все лето, и просит, чтобы вам не оставляли сообщений, а звонили на мобильный. Но у меня нет вашего мобильного, а вот то, что вам никто не будет оставлять сообщений, – это замечательно! Значит, теперь вся пленка автоответчика – моя, я могу звонить в любое время и говорить все, что хочу! Класс! Хотя... Что ж мне сказать? Ведь я опять без вас... Был только миг, когда вы мне звонили, лечили своим голосом и требовали меня к себе. А теперь... Знаете, сегодня ночью я подходила к окну и смотрела на звезды. Они так далеки, и свет их так холоден, как ваш голос в конце нашего последнего разговора. Я смотрела на них и хотела улететь к вам, но все окна в моем доме муж плотно закрыл. И я, прижав ладони к стеклу, тихо плакала. О чем? Я не знаю...

Что-то клацнуло, после чего автоответчик сказал:

– Сообщение второе. – И снова голос Елены: – Здравствуйте, мой Мастер! «Мастер» по-английски «хозяин», и вы теперь полный хозяин той жизни, которую подарили мне, вылечив меня своим голосом. Сегодня я снова услышала вас, вы сказали: «Здравствуй, дорогая!» И я проснулась в слезах. Как, оказывается, мало нужно для счастья! Потом я уснула, и мне приснилась вкусная ночь. Мне приснились ваши губы, ваш запах и ваши ласки – так, как вы описали их в истории о Бисмарке. И все было хорошо, все было так хорошо... Господи, ведь вы даже не знаете, что вы для меня сделали! Вы не знаете, что в той стадии, на которой они поймали мою онкологию, мне уже не было спасения, метастазы должны были появиться и после операции. А они – исчезли! Вы убрали их своим голосом! И я могу жить, как Солженицын после «Ракового корпуса», – хоть тысячу лет!.. Я хочу похвастаться, можно? Слышите – это я включила музыку. А знаете почему? Потому что я теперь шикарно выгляжу – в коротком плаще, с шапкой густых волос и – два океана глаз, которые еще несут в себе свет нашей встречи во сне. Мужчины просто дуреют, вы бы их видели!!! Представьте себе – мне предложили работу! И

какую! Вы никогда не поверите! Мне в мои двадцать семь предложили вернуться на подиум и рекламировать женское белье! Да-да, у нас тут открылась сеть парижских бутиков для жен богатых нефтяников, и меня просят стать лицом этих бутиков, а точнее – фигурой. Правда, для этого мне нужно чуть-чуть пополнеть. Иначе наши нефтяницы не смогут представить себя в моих нарядах. Но не беспокойтесь, Андрей Петрович, я не выйду из ваших стандартов – девяносто, шестьдесят, девяносто...

Снова «кляц-кляц», и опять автоответчик:

– Сообщение третье. – И солидный мужской баритон: – Андрей Петрович! Это «Мобиль», мы в отчаянии! Вы же обещали!

– Сообщение четвертое...

Голос Елены:

– Что еще рассказать вам, мой Мастер? Я загружаю себя делами и хочу свернуть горы, чтобы не думать, что я уже десять дней прожила без вашего голоса! Десять дней! А сколько их еще будет! Я тоскую и боюсь заболеть...

– Сообщение пятое...

– Здравствуйтесь, мой мужчина! Я выпала из времени и пространства. Наверное, со стороны это выглядит как помешательство, но что же мне делать? Ведь я выздоровела и вернулась к жизни благодаря вам, и теперь... Да, теперь я хочу вас! Я хочу целовать ваши губы и медленными, медленными поцелуями опускаться к вашим плечам, к вашей груди...

Бережковский, сидя на диване, сделал нетерпеливое движение.

Голос Елены сказал:

– Нет, не двигайтесь! Замрите, я все сделаю сама... Но сначала... Подождите, сначала я погашу свет, принесу свечи и включу БГ... Слышите?

И действительно, стало слышно, как поет Борис Гребенщиков: «Слишком много любви...»

А голос Елены, накладываясь на эту песню, продолжил:

– Вот... Нет, чуть громче... А теперь... Теперь я начинаю раздеваться... Это стриптиз для вас, дорогой... Это танец жизни... Я жива!.. Я снова жива и хочу любви!.. И я обнажаюсь, я снимаю все... Абсолютно все... И прихожу к вам... И касаюсь вас... Нежно касаюсь вас своей грудью... Нет, не двигайтесь! Я же сказала – я все сделаю сама... Замрите! Вот так... Я склоняюсь к вам и целую ваши плечи... О, как вкусно ты пахнешь, милый!.. А теперь грудь... Да, мои волосы скользят по твоей груди... Все ниже... ниже... – И под нарастание музыки: – О!.. О-о!.. О-о-о-о!!! О мой дорогой!..

Громкий стук в дверь.

Бережковский, вскочив с дивана, выключил автоответчик, подбежал к двери и хрипло спросил:

– Кто там?

Никто не ответил, но он все же открыл.

Вошла жена.

– Андрей, – сказала она, подозрительно оглядываясь, – что тут у тебя происходит?

– Я же тебе запретил сюда... – произнес он все еще хриплым голосом.

Но она, не слушая, стала медленно обходить студию. И спросила:

– А что у тебя с голосом?

Бережковский жадно отпил прямо из чайника, потом сказал:

– Я работаю! И я тебе запретил сюда приходиться!

– Да? Интересно, с каких это пор ты работаешь под Гребенщикова?

– Какого Гребенщикова?

– Ну какого, какого! Сколько у нас Гребенщикоуных? Я шла по улице и слышала БГ из твоего окна...

– Мои окна на восьмом этаже! Как ты могла услышать?

Жена подошла к музыкальному автомату, осмотрела его и нажала кнопку.

«Офицеры! Офицеры! – грянул автомат. – Ваше сердце под прицелом!..»

Она испуганно отскочила.

Бережковский выключил автомат, сказал насмешливо:

– Так, еще одна Каменская... – И мягко попросил: – Иди отсюда! – И, обняв ее за плечи, повел к выходу. – И пожалуйста, запомни: никогда не приходи сюда! Я здесь работаю! Работаю!

– Как ты работаешь, – сказала она у двери, – когда у тебя даже компьютер выключен?

Но он уже взял себя в руки. И язвительно усмехнулся:

– Дорогая, ты забыла. Я не компьютерщик, я писатель. Иди!..

Сбросив с плеча его руку, она остановилась в двери.

– Между прочим, у меня появился поклонник.

– Да? Поздравляю.

– Да! Представь себе: на Лесной останавливаюсь на красный, и вдруг справа прямо в окно машины влетает мобильник. Смотрю, а это водитель «КрАЗа», который за мной от Красноармейской тащился. Теперь он мне регулярно звонит – на свой собственный мобильный, представляешь?

– Передай от меня привет, скажи: я ужасно ревную! Иди!

Мягко вытолкнув жену, Бережковский торопливо запер дверь на ключ, задернул шторы на окнах и, прислушиваясь к тишине, включил автоответчик.

– Сообщений больше нет, – заявил автоответчик все тем же металлическим женским голосом.

– Как нет?! – вскричал Бережковский. – А шестнадцать?! – И замер в ужасе. – Блин! Я стер! Я не то нажал! – И схватился за голову. – Дебил! Идиот! Боже мой! Что я наделал?! – И стал нажимать все кнопки. – Ужас, я все стер! Я все стер! Какой кретин! Господи! Как же быть?

Выдвинув ящики своего письменного стола, он стал шарить и рыться в них, выбрасывая какие-то бумаги и говоря сам с собой:

– Ну пожалуйста! Ну пожалуйста, балда несчастная, найди ее телефон! Ну найди!.. Нету! Я выбросил! Я же тогда все выбросил, кретин несчастный!..

Телефонный звонок. Бережковский хватает трубку.

– Да! Слушаю!

– Бережковский Андрей Петрович? – спросил женский голос.

– Да! – нетерпеливо сказал Бережковский. – Слушаю!

– Вы не собираетесь продавать квартиру?

– Что-что?

– Это агентство по продаже недвижимости. Вы не собираетесь продать...

– Да пошла ты! – швырнул он трубку.

Потом, успокаиваясь, прошелся по студии, постоял у двери на террасу.

Осенняя Москва сняла раздражение и досаду, он подошел к телефону, набрал короткий номер.

– Междугородняя, семнадцатый, – ответили ему.

– Примите заказ. Салехард, больница имени Губкина, хирурга Гинзбурга.

– Заказ со справкой – тридцать рублей, и за вызываемое лицо еще...

– Я знаю, знаю.

– Ваш телефон и имя, пожалуйста.

– 205-17-12. Бережковский Андре...

– Ой, Андрей Петрович, – перебила телефонистка, – а я вас не узнала, богатый будете!

– Спасибо.

– Да вы уже богатый, куда вам больше? Я вас вчера по телику видела.

– Спасибо.

– Я же вас соединяла с этой больницей, что же вы номер-то не записали? Пишите: код Салехарда 349-22, номер больницы 3-67-45. Соединяю, не кладите трубку... Алло, Андрей Петрович!

– Да, слушаю!

– Гинзбург выходной, с дежурным врачом будете говорить?

– Нет, спасибо, мне нужен Гинзбург.

– А как его звать?

– Я не помню.

– Ладно, сейчас поищу его домашний. Я, конечно, не имею права, но для вас... В конце концов, сколько Гинзбургов может быть в Салехарде?.. Вот, один нашелся морозостойкий... Запишите: Гинзбург Семен Львович – 2-95-17. Соединяю, говорите.

И – мужской голос:

– Алло, слушаю.

– Семен Львович? – спросил Бережковский.

– Да, слушаю.

– Извините за беспокойство, это опять Бережковский.

– Да. Чем могу?

– Я хочу послать вам свои книги. Если вы дадите свой адрес...

– И вы поэтому звоните? – насмешливо спросил Гинзбург. – Ваши книги есть во всех магазинах, но я не читаю беллетристику. Говорите, что вам угодно?

– Вы не могли бы сказать мне, как дела у вашей пациентки?

– Той самой? Зотовой? Или уже другой?

– Нет-нет! Елены Зотовой.

– Она проходит обследование.

– И?

– И это все, уважаемый. Больше я вам ничего не скажу. Хотя нет. Кое-что все-таки скажу, раз уж вы позвонили. Она почему-то решила, что ее спас не я, а вы. Что ваш голос убрал у нее метастазы. Ну, по мне – хоть вы, хоть Акунин, хоть Кашпировский, лишь бы действительно не было онкологии. Поскольку есть теория, что онкология – это нервное заболевание, что стресс – это спусковой механизм развития раковых клеток. А этой Зотовой стресса в ее семейной жизни хватает, вы, наверное, знаете, что у нее за муж. Но и вы, уважаемый писатель, оказались ему под стать – полечили, полечили и бросили. Так с больными не поступают, дорогой, грех берете на душу...

– Но я был в отъезде.

– Конечно. Я видел по телевизору – вы в Астрахани снимали какой-то сексуальный шедевр. А в Астрахани, конечно, нет телефонов, оттуда к нам нельзя дозвониться.

Бережковский повинно стерпел и это, спросил:

– Семен Львович, вы можете дать мне ее номер?

Но язвительный Гинзбург не унимался:

– А у вас что – уже нет ее телефона? Потеряли или выбросили?

– У меня нет ее телефона.

– К сожалению, и у меня его нет. Не я звоню своим пациентам, а они мне. Но я передам ей, что вы интересуетесь ее номером. Всего вам доброго.

И – гудки отбоя.

– Жидовская морда! – в сердцах сказал Бережковский. – Вот сука!..

Резкий телефонный звонок. Бережковский взял трубку.

– Алло!

- Это междугородняя. Вы закончили, Андрей Петрович?
- Да, спасибо, – сказал он расстроено. – Как вас звать?
- Мария Петровна. Но для вас – просто Маша.
- Спасибо. Мария Петровна, а вы не могли бы посмотреть в Салехарде домашний телефон Елены Зотовой?
- Знаете... – замялась она. – Сейчас, в связи с борьбой с терроризмом, нам запретили давать домашние телефоны.
- Интересная борьба...
- Ага, люди звонят, просят телефон врача или еще кого, а мы не даем. Вам очень нужна эта Зотова?
- Очень. Честное слово.
- Ладно, я уже смотрю... Андрей Петрович, здесь четырнадцать Зотовых в Салехарде. Но ни одной Елены, все мужские имена. Соединять всех подряд?
- Бережковский вздохнул:
- Нет, не нужно. Спасибо. Всего вам доброго.
- И вам. Звоните. Я работаю через сутки, мой номер семнадцать.
- Бережковский перебрал на столе визитки, нашел одну и, глядя в нее, набрал номер на мобильном.
- Компания «Мобиль», – ответили ему.
- Мне Козловского.
- Как доложить?
- Скажите: Бережковский.
- Минутку... – И тут же мужской голос: – Андрей Петрович, наконец!..
- Итак, – перебил Бережковский, – слушайте. Юная блондинка в открытом спортивном кабриолете. Она так хороша, что водитель многотонного «КрАЗа» просто не может от нее оторваться – догоняет у каждого красного светофора и любуется сверху, из своей кабины...
- Андрей Петрович, вы о чем? – удивился голос.
- Не перебивайте! – потребовал Бережковский. – Слушайте дальше. Но при въезде на Тверскую «кирпич» для грузового транспорта. А блондинка уже выжала сцепление и сейчас укатит! В отчаянии парень в последнюю секунду швыряет ей первое, что у него под рукой, – свой мобильник. И они тут же разъехались: она на Тверскую, а он на соседнюю стройку. А час спустя, когда она уже на съемочной площадке, этот мобильник вдруг звонит в ее сумочке. Ей пришлось спешно взять трубку: «Алло!» – «Девушка, как мне получить мой телефон обратно?» Но она даже не ответила – в досаде вырубил этот телефон и – закрутилась в съемках, забыла о нем напрочь. И только месяц спустя, когда ее машина вылетела с мокрой подмосковной дороги в болото и увязла там по уши, она в отчаянии схватилась за этот телефон, как за соломинку, включила его и нажала «возврат последнего звонка»: «Алло! Это вы были на „КрАЗе“? Вытащите меня, пожалуйста!» Теперь вы поняли? Алло!..
- Конечно, понял. Это начало рекламного романа. Три первых рекламных ролика. Правильно? Но дальше! Что дальше?
- А дальше зависит... – И Бережковский повесил паузу.
- От чего?
- От аванса.
- Ну, это я понимаю.
- Нет, – твердо сказал Бережковский. – Вы не понимаете. «Интимные связи» – такого рекламного телеромана у нас еще не было! Публика будет стенать и требовать продолжения, а мы будем развивать сюжет медленно и понедельно. А потом вы объявите льготный тариф «Интимные связи». Сделаете музыкальные позывные...

Телефонный звонок разбудил его среди ночи. Заспанно, с закрытыми глазами он взял с тумбочки звенящую телефонную трубку.

– Да... Алло...

И услышал:

– Андрей Петрович, простите ради Бога! Вы мне срочно нужны, у меня плохие анализы...

– А? Кто это?

– Это Зотова. Елена. Я вам звонила...

Бережковский открыл глаза и проснулся.

– А! Да-да, я понял... Пожалуйста, позвоните мне в офис через десять минут. Ровно через десять минут, вы слышите?

– Андрей, ты куда? – сонно сказала жена. – Три часа ночи!

– Спи, это по работе... – И в телефон: – Позвоните через десять минут, я вышлю по факсу...

– Что ты вышлешь по факсу? – спросила жена.

Но он уже одевался и три минуты спустя стоял над телефоном в своей мансарде.

– Ну, звони же! Звони!

И включил автоответчик, но тот сообщил индифферентно:

– Новых сообщений нет.

Наконец телефон зазвонил, он схватил трубку.

– Алло!

– Здравствуйте, Андрей Петрович... – тихо сказала она и замолкла.

– Алло!.. – закричал он. – Лена, алло! Лена!

– Я здесь, – еле слышно сказала трубка. – Я здесь...

– Что с вами?.. Алло! Говорите!

– Где вы были? – негромко спросила она. – Где вы были так долго?

– Я был на съемках.

– Я знаю. В Астрахани. Но неужели?..

– Я был отчаянно занят.

– Я звонила вам тысячу раз! Я умираю без вас, умираю...

– Я виноват, я знаю.

– Вас не было вечность! Неужели вы не могли хоть на минуту?..

– Я знаю – я сволочь.

– Нет! Не смейте себя ругать! Это я... Это я во всем виновата, и мне наказание. Я была сегодня в церкви, Бог смотрел на меня с иконы, и взгляд его сказал мне: «Ты желаешь чужого, ты пыталась его соблазнить, и за это наказана!» И я поклялась Ему, я ответила: «Да, я люблю его! Я люблю его так, что его голос способен меня излечить. В жизни каждой женщины должен, просто обязан хотя бы раз появиться такой мужчина! Господи, разве не Ты послал мне его? Но – излечи меня Сам, или излечи его голосом, а от большего я откажусь, я клянусь Тебе, Господи!» Так я сказала сегодня в церкви, и видите – Он услышал меня и послал мне вас. Это Его выбор! Так говорите же со мной, Андрей Петрович! Спасите меня! Говорите!..

– Но что же мне говорить? Боже мой, это какое-то наваждение... Почему я?..

– Почему? Андрей Петрович, окститесь! Вам шестьдесят лет, и вы не знаете, почему вы? Разве не вы написали «Любовь-убийцу» про то, что любовь убивает любящих? Не любимых, а тех, кто любит. А вас любили столько женщин! И Ника, ваша дочь от первого брака, – она же вас просто боготворила! Сколько лет вы ее не видели? А, Андрей Петрович?!

– Откуда ты знаешь? – тихо ответил он.

– Из Бережковского. Из его интервью газете «Вечерний Якутск». Там была премьера «Любви-убийцы», а после премьеры, на банкете вы пили чистый спирт и разоткровенничались. Про жену, которая настроила вашу дочь против вас настолько, что вы написали «Любовь-

убийцу». Так сколько женщин убиты любовью к вам, Андрей Петрович?! Спасите же хоть одну! Меня спасите! Поговорите со мной! Разве это так трудно?

– Ты плачешь? Не плачь. Ну пожалуйста, не плачь. Вот, я же говорю с тобой. Что тебе рассказать? Я тебе почитаю, хочешь?

– Снова Уткина? Или себя?

– Нет... – Он взял какую-то рукопись. – Ахмеда ибн Фадлана, первого персидского посла в России. Это подлинная цитата, которую я экранизировал в Астрахани.

– Я читала.

– Что ты читала? – встревожился он. – Где?

– У Бережковского, в «Хазарской легенде». Русы хоронят своего вождя и при этом трахают его девушку до тех пор, пока она сознание не теряет. И сжигают ее вместе с ним.

– Не может быть! Неужели я это уже написал? Ты уверена?

– Вам процитировать? На память? «А если умрет у русов глава семьи, то его родственники говорят его девушкам: „Кто из вас умрет вместе с ним?“ Одна из них, которая любила его больше других, говорит: „Я“. И десять дней, пока они пьют набиз и шьют умершему одежду, эта девушка тоже пьет и веселится, украшает себя разными нарядами и так, нарядившись, отдается людям». Правильно?

– Боже мой! Оказывается, я и это написал...

– Нет, это написал Ахмед ибн Фадлан. А вы добавили, что русов – тех, настоящих, которых видел Фадлан, – давно уж нет, еще в девятом-десятом веках все их мужчины погибли в походах на Византию, Персию и Болгарию. А вот женщины, способные пойти в огонь за своим возлюбленным, они остались. Выпить перед смертью чашу набиза, спеть прощальную песню своим друзьям и взойти на горящий костер своего мужа – это русская женщина! Андрей Петрович, я люблю вас...

– Подожди. Скажи мне, что с тобой?

– Со мной? – горестно усмехнулся ее низкий голос. – Я уже не верила, что вы мне позвоните. Я боялась, что умру, так и не услышав вас. А сейчас, пока мы говорили, я снова пила ваш голос. Он наполнял меня, как сосуд, нет – как теплый воздух наполняет воздушный шар. Да, вы согрели меня своим голосом, вы...

– Да подожди ты с этой лирикой! Что у тебя с анализами?

– Я не знаю. Мне сказали, что они плохие. Но я и сама это чувствовала, и звонила вам, и просила вас позвонить мне хоть на одну минуту, хоть на полминуты! Ведь я люблю вас! Господи, как я вас люблю! Нет-нет, вы не думайте, что это истерика. Я не истеричка, просто я так вас люблю. Вы знаете, чем отличается любовь мужчины и женщины? Слушайте! Вот так любовь ударяет мужчину. Вы слышали удар?

– Нет, я ничего не слышал...

– Правильно. А теперь послушайте, как любовь ударяет женщину.

Тут трубка громыхнула так, что Бережковский оглушенно отвел ее от уха.

– Елена, что это? Алло!

– Это я бросила трубку об асфальт. Странно, что он работает... Алло! Вы слышите меня?

– Слышу.

– Да, странно – работает. А ведь иногда так ударяет, что уже ничего не работает. И поэтому не нужно смеяться над женщиной, ушибленной любовью. Не нужно.

– Я не смеюсь.

– Знаете, как я вас люблю? Я мечтаю идти вам навстречу с цветами и улыбаться...

– Приезжай ко мне.

– Зимой – с орхидеями, весной – с колокольчиками, летом – с фиалками, осенью...

– Приезжай, я хочу тебя!

– Я мечтаю чувствовать, как ваша сила входит в меня, как ваша энергия заполняет меня всю и исцеляет, побеждает все мои хвори...

– Сейчас же вылетай! Ты слышишь?

– Я не могу. Это будет самоубийство. Ведь я поклялась Господу Богу – если вы позвоните, я отпущу вас, а Ему отдам свою любовь к вам... И потом – Боже мой, что я для вас? Ведь у вас столько поклонниц! Спасибо, что вы меня снова вылечили...

– Постой, не клади трубку! – испугался он.

– Я буду молиться за вас...

– Не клади трубку! – закричал он. – Не смей!

– Я буду ставить за вас свечи, буду заказывать молебны за вас и вашу семью. Никто вас так больше не полюбит, потому что больше – просто не бывает. А теперь...

– Нет! Не смей! Не клади трубку!!!

– А теперь я попрошу у вас прощения за свою любовь. Я знаю, что я достала вас своими дурацкими звонками, своей жадной слышать ваш голос. Я залезла в чужой дом. Но больше я не буду, я обещаю...

– Нет! Не смей класть трубку! Скажи, откуда ты звонишь?

– Я еще не знаю, как буду жить без вас и что я буду делать с этой любовью. Но я обещала Богу...

– Сейчас четыре утра! Где твой муж? Откуда ты звонишь?

– Я звоню из Москвы...

– Из Москвы?! Как – из Москвы? Откуда?

– Я прохожу тут обследование...

– Где? В какой больнице?

– В онкологическом центре...

– Адрес! – закричал он. – Скажи мне адрес! Я сейчас приеду!

– Я не могу...

– Почему? Отвечай! Почему?

– Я сбежала оттуда...

– Как сбежала? Куда?

– К вам...

– Я не понимаю. Где ты? Где ты находишься? Отвечай!!!

– Я не могу! Я же обещала в церкви, я клялась...

– Плевать! Я беру на себя! Я беру этот грех на себя, ты слышишь?

– Нет! Господь накажет меня, Он убьет меня, я знаю...

– Никто тебя не убьет! Никто...

– Если я... если я сделаю это... всё, метастазы... – Ее голос захлебнулся слезами.

– Никаких метастаз! Я все вылечу! Где ты? Говори! Я уже выезжаю!

– Но ведь я же умру, я знаю...

– Лена, что за ерунда? Ну пожалуйста, Леночка! Скажи мне, где ты сейчас? Ну пожалуйста!

– У вашего подъезда...

– Где???

– Мне... Мне тут очень холодно...

– Блин!.. – Он бросил трубку и выбежал из студии.

А она действительно стояла на улице у его подъезда и, обнимая себя за плечи, повторяла как в лихорадке:

– Господи, мне очень холодно... И страшно... И Ты не простишь меня... Но ведь я все равно не смогу жить без этой любви...

Тут он выбежал из подъезда.

– Елена!!!

– Господи! – сказала она, глядя на него. – Прости его... *Ego* прости...

Прошло несколько лет. Восемь или девять – не важно. Важно, что мансарда Бережковского существенно изменилась – разгороженная надвое, она превратилась в жилую квартиру – кабинет и спальню. Причем даже в кабинете на окнах появились гардины в цветочек, в углу – икона, а на рабочем столе – еще три телефона.

Но главное изменение совсем иное.

Теперь, когда рано утром здесь раздастся первый телефонный звонок, первой входит сюда заспанная и располневшая Елена, включает торшер и берет телефонную трубку:

– Кабинет Бережковского.

– Пожалуйста, извините за ранний звонок. А можно услышать Андрея Петровича?

– Нет, услышать Андрея Петровича нельзя, он занят. Вы по какому вопросу?

– Мне сказали, он лечит голосом. И в газете объявление...

– Вам правильно сказали. Андрей Петрович лечит голосом. Но чтобы его услышать, вы должны сообщить мне номер своего мобильного телефона. У нас договор с МТС, «Мобиль», «Би Лайн» и «Мегафоном». За каждый сеанс голосовой терапии они будут снимать с вашего счета по восемь у.е. Вы согласны?

– Я знаю, я согласна. Но мне нужно срочно...

Тут звонит второй телефон.

Но Елена не обращает внимания, а открывает журнал записи:

– Могу записать вас на февраль...

Трезвонит первый телефон, и тут же звонит третий.

Елена, снимая трубки, отвечает на звонки:

– Минуточку!.. Подождите!.. Алло, я вас пишу на февраль.

– На февраль? А раньше нельзя? – умоляет голос. – Я вас очень прошу! У меня плохие анализы...

– А с хорошими нам не звонят. Нет, девушка, раньше все занято.

– Но вы понимаете, у меня онкология...

– Я знаю. Теперь у всех онкология.

– Но...

– Послушайте, девушка! У меня тут еще две трубки. Вас записывать или нет?

– Да, конечно.

– Диктуйте. У вас МТС, «Мобиль» или «Би Лайн»?

– «Мобиль». Номер 472-00-43...

– Хорошо, я записала. Звоните 27 февраля в 10 утра по компьютерной связи. Сеансы групповые, номер указан в газете. Все! – Елена дает отбой и берет следующую трубку: – Кабинет Бережковского.

– Андрея Петровича, пожалуйста, – говорит низкий женский голос.

– Андрей Петрович занят. Вы по какому вопросу?

– По личному. А когда можно ему позвонить?

– Андрей Петрович занят всегда. Он работает.

– Хорошо, передайте, что звонила Алина Полонская. Это по поводу съемок...

– Конечно! Съемок! – насмешливо говорит Елена и дает отбой. – Сволочь, еще звонит! – И берет следующую трубку. – Алло, кабинет Бережковского.

Тут входит Бережковский с мобильником в руке. Он тоже изменился – постарел, растолстел, с брюшком.

– Слушай, зачем ты отключила мой мобильник? Вытащила сим-карту...

– Потому что он тебе совершенно не нужен.

- Но мне могут позвонить.
– Кто тебе может позвонить?
– Ну мало ли! Эраст, Добровольский, Швыдкой...
– Очнись! Ни Эраст, ни Добровольский тебе не звонили уже четыре года!
– А если позвонят?
– А если позвонят, я тебя соединю, не бойся.
– И со Швыдким...
– Швыдкой – посол в Бразилии, зачем ему тебе звонить?
– Ну мало ли! А Кароян? А эти Сережа с Колей?
– Да? Может, еще эта, как ее? Полонская? Или твои бывшие жены?
– Но ты меня совершенно отрезала от мира!
– Я? – возмутилась Елена. – Я тебя отрезала?! Да, пожалуйста! Вот! – И она шумно распахнула окна. – Вот! Вот тебе твой мир! Пожалуйста! Говори им! Пиши! Если тебе есть что... Ну, что ж ты молчишь? Они ждут!
- В окно задувает снегом, и Бережковский начинает кашлять.
– Закрой окна... Ты с ума сошла... Там зима, у меня астма...
И сам закрывает окна.
– То-то! – говорит Елена. – Ты забываешь – тебе уже семьдесят!..
– Да, ты права, – с горечью говорит Бережковский, – я уже все написал... – И добавляет хвастливо, как ребенок: – Между прочим, Толстой бросил писать в пятьдесят шесть лет, а я – только в шестьдесят шесть!
- Лучше бы ты поступил как Толстой.
– Как тебе не стыдно? Ты безжалостная...
– Я безжалостная?! Да я тебя спасла от голода! И позора! Что ты можешь им написать? «Мужчину к Новому году»? Ужас!
- Почему? По телику до сих пор крутят рекламный роман «Интимные связи».
– Вот именно! От всего твоего таланта остались только твои интимные связи! Но, слава Богу – и мне! – ты этими связками теперь зарабатываешь больше, чем своими книгами и песнями. Так что ты мне ноги должен целовать!
– И целую. Каждый день...
И Бережковский действительно опускается на колени, гладит ей ноги выше колен, хочет поцеловать.
– Перестань. Не корчи из себя прежнего Бережковского. Прекрати, я сказала! – отталкивает его Елена и отходит.
Но он идет за ней на коленях.
– Елена, а кто тебя спас? Вспомни! Я хочу тебя!..
– «Хочу» и «могу» – это разные вещи.
– Неправда! Когда я хочу, я могу! Ты знаешь...
– Еще бы! Если я тебе помогу. Да, если я тебе помогу, ты еще что-то сможешь. Пару секунд.
- Звонит телефон.
– Ты ужасная! – говорит Бережковский. – Ужасная! Да выключи ты этот телефон!
Но Елена берет трубку.
– Кабинет Бережковского... Да, могу вас записать на февраль... Да, диктуйте номер вашего мобильного... Нет, кредитные карточки мы не берем, у нас договор с МТС, «Мобиль», «Би Лайн» и «Мегафоном»... Записываю...
- Бережковский на коленях подходит к ней сзади и начинает целовать ее ноги – все выше, выше...
У нее садится голос, но она еще говорит в трубку:

– Да, записала... Спасибо...

А положив трубку, тяжело дышит, закрывает глаза и опускается на пол к Бережковскому.

Они целуются, Бережковский выдергивает шнур торшера, в темноте слышно лишь их тяжелое дыхание и почти сразу же – голос Елены:

– Ну еще!.. Еще!!! Ну!!!

А после паузы голос Бережковского:

– Извини...

И отчаянный голос Елены:

– Я больше не могу так!..

– Извини, – просит он. – Пожалуйста, извини...

– Мне тридцать пять лет! Мне нужен мужчина... – плачет она, лежа на полу.

– Ну не плачь! – говорит он. – Что я могу сделать? Ну хочешь, я буду принимать виагру...

– Тебе нельзя, у тебя давление.

– Плевать! Так я умру, как Пырьев или Рафаэль. Это прекрасная смерть!

– Я не хочу, чтоб ты умер. Я тебя люблю.

– Что же нам делать? Искать тебе любовника?

– «Ищу жене любовника». Ты забыл? Эту пьесу ты написал двадцать лет назад.

– Действительно забыл. Впрочем, и Толстой со временем забыл «Анну Каренину». Так что же нам делать?

– Включить свет.

Бережковский включает торшер.

– И что ты себя все время сравниваешь с Толстым? – говорит Елена и тяжело поднимается с пола.

– А с кем ты хочешь, чтобы я себя сравнивал? С Мариной?

– А почему бы и нет?

– Потому что *это* недостижимо. Раньше у нас были Толстой, Тургенев, Достоевский. С ними еще как-то можно было тягаться. Но с этими... Куда нам! Они каждую неделю пишут по роману!

Елена включает компьютер.

– У тебя сеанс через пятнадцать минут... Я захожу в Интернет. Ты готов?

– Кажется, я понял, почему Бисмарк впал в депрессию после смерти Кэти. Потому что он разрешил Орлову увезти ее в Россию. Понимаешь, этот Орлов привез ее из Парижа сюда... Сюда, в Россию! И не на пару месяцев, а навсегда...

– Я тебя последний раз спрашиваю! – перебивает Елена.

– Как я могу быть готов, когда я еще чай не пил? – отвечает он. – И потом – у меня почему-то совершенно нет сил...

– Потому что по утрам надо заниматься зарядкой, а не сексом.

– Раньше это была лучшая зарядка. Ты мне дашь чай?

– Сейчас принесу. Господи, как мне надоел этот бардак! Почему роскошную квартиру нужно было отдать твоей жене, а самим ютиться здесь?

– А ты стала ворчливой. Тоже стареешь.

– Здесь даже плита не работает!

– А кто говорил: «Отдай ей все, оставь мне только свой голос»?

– От тебя только голос и остался, – ворчливо говорит Елена и уходит в другую комнату. Бережковский идет за ней, выглядывает за дверь. Затем резво подбегает к телефону, поспешно набирает номер.

– Алло! – говорит он негромко, прикрыв трубку ладонью. – Ты мне звонила?

– Да, – отвечает ему низкий женский голос. – Она тебе сообщила?

– Нет, но я догадался. Представляешь, она отключила мой мобильный!

- Как отключила? Отняла?
- Нет, просто вытащила сим-карту...
- И ты не зайдешь сегодня?
- Конечно, зайду – я хочу тебя как безумный! Сразу после сеанса пойду на прогулку и...

Все! Она идет. Целую...

Он кладет трубку. Входит Елена с чаем на подносе и говорит подозрительно:

- Ты кому-то звонил?
- Кому я мог звонить? Шесть утра!
- Черт тебя знает. Вот твой чай. Только пей быстрее. Осталось шесть минут. – Она ставит поднос на письменный стол и садится к компьютеру. – Все, я в Интернете.

Бережковский прихлебывает чай.

– Да перестань ты сюпать! – просит Елена и смотрит на монитор. – Сумасшедший дом! Больные люди! Еще шесть минут, а уже подключилось девяносто три человека! Ты просто Кашпировский!

– А сколько всего? – спрашивает Бережковский.

Елена смотрит в свои записи:

- Сегодня на первый сеанс – как всегда, четыреста человек.
- Я не понимаю – почему нужно пять сеансов в день? Почему не записать их всех вместе?

Я бы мог подольше гулять...

– Потому что очередь – двигатель торговли. Есть очередь – и все прутся, как на Кашпировского. Хотя по мне лучше бы ты был Чумаком.

– Почему?

– Потому что Чумака паровозы толкали! А ты...

– Опять эти грязные намеки. Как тебе не стыдно каждую минуту делать из меня импотента!

– Все! – перебивает она. – Десять секунд до сеанса!

– Так иди же!

– Не понимаю – почему я не могу присутствовать?

– Я сказал – иди. Ты меня отвлекаешь.

Елена пожимает плечами и уходит с обиженным видом, Бережковский кричит ей вдогонку:

– Я тебя люблю!

Затем, пройдясь по кабинету, надевает пальто, шарф, шапку. Берет со стола микрофон со шнуром к компьютеру и...

Решительно открыв балконную дверь, выходит на террасу, смотрит на заснеженную рассветную Москву.

– Ну что ж, начнем, – буднично и не повышая голоса, говорит он в микрофон. – «Я опять выхожу нечесаный, с головой, как керосиновая лампа на плечах. Ваших душ безлиственную осень мне нравится в потемках освещать...»

Внизу под его террасой просыпается город – люди спешат на работу... катят машины, троллейбусы...

А он, не меняя будничного тона, продолжает в микрофон:

– «Мне нравится, когда потоки брани в меня летят, как град рыгающей грозы, я только крепче жму тогда руками своих волос качнувшийся пузырь...» Это Есенин, как вы понимаете. А я... «Я все такой же, сердцем я все тот же. Как васильки во ржи, цветут в лице глаза. Стеля стихов злаченые рогожи, мне хочется вам нежное сказать...» Да... – И, глядя вниз, на пешеходов: – Так что ж вам нежное сказать, дорогие мои? Знаете, мне тысяча лет, но за эти короткие, по сути, годы я понял главный секрет природы: нужно говорить нежности. Нет, вы слышите меня? Нежностью и только нежностью можно и нужно упреждать все болезни. – И со

вздохом после паузы: – Да, да, говорите друг другу нежности, говорите их каждый день, говорите их многократно, говорите их наедине и прилюдно, не стесняясь того, что это-де банально, интимно, нескромно... Говорите – и вы поразитесь результату, просто поразитесь!.. Кажется, это так мало и так примитивно говорить жене по утрам «дорогая», «милая» – но говорить это с нежностью, как первый раз. А потом позвонить ей днем, позвонить просто так и сказать тоже с нежностью: «Знаешь, я тебя так хочу!» О, «хочу» – это волшебное слово, волшебное! Одним этим словом можно... я не знаю – ну, все можно, все! Можно вылечить больного, увести жену от мужа, а мужа от жены, да что я говорю! Поверьте мне: одним этим словом, которое я тупо, как дятел, твердил по телефону одной женщине, я не только вылечил ей рак груди, но и увел от мужа, который вдвое младше меня, охотится в Африке на тигров и вообще такой мачо! – в постели сильнее меня, наверное, в сотню раз! А она ушла от него... как вы думаете – почему? Разве он не хотел ее? Хотел! Разве он не имел ее? Еще как имел! Но он имел ее без нежности, а когда женщина живет без нежностей, у нее развивается чахотка и рак груди! Да, представьте себе, вот такое простое открытие – женская грудь не может без нежностей, без нежности ее съедает рак! Или я не прав? Или я ошибаюсь? Где тут критики, которые потом напишут, что я говорю пошлости? Нежить, нежить и хотеть друг друга, согревать своей нежностью и хотеть друг друга каждый день – и вам никогда не будет нужен ни Чумак, ни Кашпировский, ни Бережковский и вообще никакие врачи!.. – Бережковский молчит и, словно забываясь, говорит будто бы сам с собой: – Да... Кэти Орлова... Она жила тут без нежности, я уверен. Этот мудака Бисмарк строил великую Германию, покорял Европу, а в это время женщина его жизни – единственная, по которой он с ума сходил! – чахла здесь без нежности. И умерла! Умерла, понимаете?! И только тогда он понял! Понял, что все его великие достижения и вся его слава – полная херня по сравнению с... Зерно пробивает асфальт навстречу нежности солнца, женщина может уйти за нежностью, бросив богатства и сытую жизнь, но Бисмарк ее не позвал! Не позвал, струсил! И она зачахла. А когда до него дошло!.. А про нас, мужчин, и говорить нечего – нежностью нас можно как на веревочке водить за нос и за все остальные места, разве не так? Так, дорогие мои, так, извините за прямолинейность! Мне тысяча лет, я больной и старый, но, милые дамы, дайте мне ваши телефоны, и терапией нежности я не только излечу вас от всех болезней, но и уведу от мужей – если они немедленно, прямо с этой минуты не возьмут вас за руку, не сожмут ее с нежностью. Ну, вы слышите меня?! Возьмитесь за руки! Возьмитесь, я вам говорю! И вам! И вам! Да, да, вы с этой блондинкой! Я вас серьезно предупреждаю! Возьмите ее за руку и держите с нежностью! Потому что иначе... смотрите, я вас предупредил!.. А вы, молодой человек? Да, вы, это ваше первое свидание? Ничего, за руку можете взять ее... За все остальное не нужно, а за руку – не робейте, она не откажет. Взяли? Ну вот, видите, не отказала же!.. А вы, девушка? В чем дело? Не слышу. Ах, вы не знакомы с этим парнем? Ничего. Возьмите его за руку, сами возьмите, скажите – Бережковский велел. Да, вот так. Вы с нежностью взяли?.. Очень хорошо, спасибо! Так и держитесь! Всю жизнь так держитесь – и вы никогда не будете болеть, никогда, я вам обещаю. А если вдруг захвораете какой-нибудь ерундой – насморком или простудой, то на самом деле это никакая не простуда, это первый сигнал тревоги, это признак дефицита нежности. Да, да, это значит: нужно увеличить нежность! Не витамины, не антибиотики нужны, а нежность! Нежность поднимает нам иммунитет лучше любых лекарств, нежность омолаживает и дает импульс жить. Короче, живите с нежностью, не стесняйтесь быть нежным и помните: нежности много не бывает. Вам ясно? Не слышу: ясно?.. Громче – ясно?! Замечательно, спасибо, сеанс окончен, до свидания.

Бережковский выключает микрофон и устало закрывает глаза.

Но тут входит Елена:

– Как? Ты опять на улице? Трибун! Я тебе сколько раз говорила! Марш домой!

Бережковский послушно уходит с террасы.

– Черт возьми, у меня сели голосовые связки. Сколько до следующего сеанса? – Он смотрит на часы и направляется к двери. – Я пойду пройдусь...

– Куда?! У тебя же связки!..

– Мне нужно пройтись, расслабиться...

– У тебя двадцать минут! Ты не успеешь...

– Я успею, – отвечает он и уходит. – Я – успею...

2005

Ангел с небес *Чистая комедия*

Сначала была крошечная тьма.

Потом в этой крошечной тьме возник какой-то звук – прерывистый и едва слышный. Словно морзянка.

И она полетела на этот звук...

И вот уже мелькают мимо нее всякие звезды и планеты, а она все несется по Млечному Пути на этот тихий звуковой сигнал...

И наконец, вот откуда этот звук – с голубой планеты, окутанной стратосферой и атмосферой.

Все ближе эта планета, все больше...

Земля!

Уже различимы из космической высоты ее океаны и материи...

Уже пролетает она облака...

А сигнал все слышней, и... ага! вот! – в такт этому сигналу где-то в Евразии пульсирует алая точка...

Она ныряет в облака, со свистом пронесется сквозь них и зависает над огромным городом, окутанным ядовитыми парами, дымами и газами...

Но именно здесь, в этом городе, где-то в Сокольниках, звучит этот зовущий сигнал. И она, не раздумывая, ныряет вниз...

Павла Пачевского разбудил противный звонок будильника.

Собственно, он просыпался и еще раньше от невыносимого скрежета на соседней стройке и рева грузовиков за окном, но, проснувшись и чертыхнувшись, Пачевский снова проваливался в душный летний сон. А вот будильник... Звонок будильника на тумбочке требовал полного пробуждения.

Не открывая глаз, Пачевский стукнул ладонью по будильнику, снял с живота тяжелую, с увесистой ляжкой ногу жены, сонно выбрался из постели, подошел к окну и грязно выругался – там, во дворе, мусорная машина с чудовищным скрежетом домкратов и звоном битого стекла загружала в свое чрево баки с мусором.

– Блин! – сказал Пачевский в сердцах и, почесывая промежность, побрел через гостиную (она же детская) в туалет.

Ему было 50, но выглядел он на все 58 – в линялой майке, старых сатиновых трусах, с покатыми плечами и рыхлой фигурой. Замороженный жизнью и безденежьем «лузер».

И жена у него была ему под стать – располневшая на картошке и макаронах...

И квартира у них была старая – двухкомнатная совковая малогабаритка, 47 квадратных метров, включая кухню и совмещенный санузел. С затертым ковром на стене, с доперестроечными обоями и не то рижской, не то шатурской мебелью. Впрочем, навесные кухонные шкафчики были точно шатурские, образца 1980 года.

– Паша! – не открывая глаз, позвала жена из спальни. – Паша!

Пачевский с зубной щеткой во рту выглянул из санузла:

– У-у?

– Опять воду не спустил, – сказала жена. – Убью!

Пачевский покорно вернулся в санузел, и оттуда послышался водопад туалетного бачка.

Еще через двадцать минут в потоке прохожих он шел к метро.

Стояло свежее летнее утро, но москвичи не видели его – они тоже спешили на работу. И Пачевский спешил – хмурый, с несвежим лицом, словно и не умывался, и не брился.

И вдруг...

Вдруг дорогу ему забежала красотка лет 27:

– Мужчина, можно с вами познакомиться?

Пачевский шарахнулся от нее, обошел и молча ускорил шаг. Но она не отставала:

– Мужчина, я хочу с вами познакомиться!..

– Да отвяжись ты, блин! – бросил Пачевский в сердцах. – Уже по утрам начали работать!

– Мужчина, я не работаю, я ангел с небес, можно с вами познакомиться?

А он на ходу, чтоб отвязаться:

– У меня нет денег...

А она не отстает:

– Да я без денег. Мужчина!..

Он остановился, сказал враждебно:

– Ну, чё те надо?

– Познакомиться с вами.

– Зачем?

– Вы мне очень понравились.

– Чем я тебе понравился?

– Вы мужчина.

– Тут полно мужчин.

– Где?

– Да вот, вокруг!

– Нет, что вы! Это не мужчины.

– А кто?

– Это носители белковых веществ.

– А я?

– А вы мужчина!

– С чего ты взяла?

– У вас чистая генетика.

Он не понял:

– Чего?

– Ну, вы очень сексуальный. Вот тут... – Она положила ладонь на его ширинку и восторженно: – О да!..

Он ударил ее по руке и оглянулся:

– Ты чё, больная?

И ушел.

Но она пошла за ним.

– Мужчина, подождите!

Он шел, не отвечая, но она увязалась всерьез:

– Мужчина!

Он резко остановился, сказал с досадой:

– Ну чё ты привязалась?! Ё-моё!

А она:

– Пойдемте ко мне, пожалуйста! Или к вам, мне все равно!

Он посмотрел на нее в упор.

Она была очень красива, молода и сексапильна, эдакий не то действительно ангел, не то чертовка с небесно-голубыми глазами и влажными губками.

– Ты из дурдома, что ли?

– Нет.

– А откуда?

– Я же вам сказала: я ангел с небес. Пожалуйста, мужчина, пойдете! – И снова протянула руку к его ширинке.

Но теперь он успел отпрянуть:

– Слушай, отвяжись! Я на работу спешу! – И двинулся дальше.

Но она не отстает:

– Мужчина, зачем вам на работу? Там нет ничего интересного.

– Откуда ты знаешь?

А она на ходу:

– А что там может быть интересного? Кроме Кати, конечно...

Он удивленно остановился, спросил подозрительно:

– Какой Кати?

Она:

– Ну, Скворцовой, из столовой. У нее такая большая грудь. Но она фригидна, честное слово!

Он опешил:

– А ты... ты ее откуда?.. Ты вообще кто? С моей работы?

– Нет, я же вам сказала: я ангел...

Он снова пошел к метро, говоря на ходу, с сарказмом:

– Ага! Ангел с небес!

А она шла рядом, стараясь прижаться к его плечу.

– Правильно! – И всей ладонью взяла его за ягодицу. – Пойдете, мужчина!

Он вильнул задницей, отстраняясь:

– Прекрати! Я милицию позову!

– Зачем?

– Чтоб у тебя документы проверили.

– Не надо! У меня нет документов.

– Как это нет? Ты откуда взялась?

– С третьего кольца.

– С какого еще третьего кольца?

– Венеры. В Параллельной Галактике.

Тут он зашел в метро, а она – за ним.

Перед турникетом была толчея, поскольку – утро, и все спешили на работу.

Двигаясь в потоке людей, он сунул свой билет в прорезь турникета и прошел.

Она поспешила за ним, но створки турникета резко клацнули и сомкнулись перед ней, она испуганно отскочила, не смогла пройти.

А он уже уходит к эскалатору.

Она в отчаянии и громко, на весь холл, кричит ему:

– Мужчина!!!

Он оглянулся и увидел, как она со слезами тянет руки к нему.

– Не бросайте меня, мужчина!

Все, конечно, выставились на них, и он спешно вернулся, перегнулся через турникет, еще раз сунул свой билет в турникет и сказал ей:

– Проходи! Быстрее!

Она, подтягивая живот и как-то сверхъестественно – до струны – ужимаясь в талии, с опаской, на цыпочках и боком пошла мимо створок.

Он схватил ее за руку, протащил через турникет и ушел к эскалатору. А она – за ним:

– Мужчина, большое спасибо...

Ухватившись за его пояс, она зашла, пошатнувшись, на эскалатор и, устояв, тут же опустила руки ниже, к его ягодицам. И обмерла от кайфа.

– Ой, мужчина!..

Он ударил ее по рукам:

– Прекрати!

Но это был уже не тот грубый тон, что раньше, – ему так польстило ее настырное обожание.

И, стоя рядом с ней на эскалаторе, он, хмурясь, подхватил ее игру:

– Там у вас на Венере все такие?

– Какие?

– Озабоченные.

– Ну конечно! – ответила она, стоя рядом с ним. – Венера же планета любви. – И снова потянула руку к его паху.

Он отстранился:

– Ну хватит! Хватит!

Она испугалась:

– Как это хватит? Уже? – Положила руку ему на ширинку и успокоилась. – Нет, там все хорошо...

– Убери руку! – сказал он негромко.

Но это не помогло – на них уже стали оглядываться окружающие и пассажиры встречного эскалатора.

Он с силой отвел ее руку и держал, не позволяя ей дотянуться до его ширинки.

А она спросила в искреннем недоумении:

– Но почему, мужчина?

– Прекрати, я сказал!

С эскалатора он трусливо убежал к подошедшему поезду, вместе с толпой пассажиров забился в вагон.

И, стоя в уже тронувшемся вагоне, вдруг увидел, как она совершенно непостижимым образом буквально просочилась к нему сквозь плотную толпу пассажиров. А просочившись, оказалась прижатой к его спине, да так, что он спиной почувствовал все ее тело. И невольно закрыл глаза от накотившего желания.

А она зашептала ему в затылок:

– Мужчина, давайте выйдем. Ну пожалуйста! Я вас очень прошу!

Он взял себя в руки и сказал ей вполоборота, через плечо:

– Слушай, откуда ты взялась на мою голову?

– Я же сказала: с Венеры, – честно ответила она.

А он с сарказмом:

– Ага, только что приземлилась...

– Правильно.

– И прямо ко мне?

– Ну конечно! Я еще в космосе получила *тако-ой* сигнал от вашего члена...

Он испуганно перебил ее:

– Цыть!

И повел глазами по сторонам – их разговор явно слышали окружающие.

А она, продолжая прижиматься к его спине, опять приложила руки к его ягодицам, медленно сдвинула одну из ладоней вниз, в промежность его ног и зашептала:

– Ну пойдём ко мне. Пожалуйста...

Окружающие изумленно воззрились на них и даже отодвинулись.

Пачевский вспотел, сглотнул свой кадык и на остановке рывком выдернул ее из вагона.

Поезд ушел, а Пачевский, стоя на платформе, сказал ей в бешенстве:

– Слушай, я тебя сейчас убью! Чё ты хочешь?

Она в изумлении захлопала ресницами:

– Почему вы меня убьете? Я хочу вас любить! Я очень сексуальная! Честное слово! Пои-демте! Вы не пожалеете!..

Он без слов смотрел ей в глаза. Но это действительно были ангельские глаза – чистые и совершенно искренние.

И что-то необъяснимое случилось с Пачевским – он пошел за ней.

– Это какой-то бред! – сказал он на улице. – Куда мы идем?

На столбах висели объявления с корявыми, от руки, надписями: «СДАЮ КОМНАТУ РЯДОМ С МЕТРО. Телефон...» Она на ходу оторвала такую бумажку и опять прижалась к Пачевскому. Воркуя, обняла его за талию:

– Мужчина, мы идем ко мне...

Пожилые прохожие женщины смотрели на них с осуждением.

Под их взглядами Пачевский снял ее руку со своей талии и попытался шутить:

– Ты же только приземлилась. Где ты живешь?

Она показала в какой-то переулок:

– А вот здесь, рядом с метро...

Они зашли в обычный московский двор – пыльный, с мусорными ящиками. Он сказал:

– И сколько мужиков ты сюда уже приводила?

– Нисколько. Я же только прилетела.

– С Венеры?

– Ну да...

– И выбрала Москву?

Она вздохнула:

– Ужасный город! Триста шестьдесят миллиграмм ОВ на галлон кислорода. В шесть раз выше нормы!

Он удивленно посмотрел на нее:

– Ты это... как это?.. Эколог?

– Я женщина, – сказала она и повела его к какому-то подъезду. – Нам сюда...

Он остановился:

– Подожди. У тебя дети есть?

– А как же! Пять.

– Пять?!

– Три мальчика и две девочки. Они близняшки. Настоящие ангелочки! Идем...

– Постой. И они дома?

– Конечно, дома.

– Здесь???

– Нет, они там. – Она показала в небо. – Пошли, не бойся!

В ступоре он вошел в подъезд, стал подниматься за ней по пыльной лестнице. А она уверенно шла впереди, глядя в бумажку, которую сорвала со столба.

На третьем этаже он устало замедлил шаг.

На пятом у него началась одышка.

Но она шла впереди, и ее стройные ножки, бедра, фигурка и сексапильная походка тянули его вверх.

Хватаясь за перила, он стал подтягиваться, помогая своим ногам.

На последнем – шестом – этаже он уже еле дышал, а она уверенно нажала кнопку звонка на какой-то двери. Потом ласково отерла пот у него со лба и положила руку ему на ширинку.

– Сейчас, милый, сейчас! Я знаю: ты уже...

Дверь открылась, на пороге стоял парень лет 16, невысокий, круглолицый, с плутовской улыбкой и удивительно похожий на кота Матроскина.

Поглядев на них, парень ухмыльнулся и молча пропустил их в квартиру.

Это оказалась стандартная коммуналка с узким полутемным коридором, какими-то тазами и велосипедом под потолком, несколькими дверьми в боковой стене и проемом на общую кухню.

Парень указал на последнюю дверь по коридору:

– Вам туда. Сто рублей в час.

Она, воркуя, сказала Пачевскому:

– Милый, дай ему триста. – И объяснила: – Тебе же придется поспать после этого. Хоть полчаса...

Полчаса спустя вокруг этого дома собралась толпа. Люди показывали пальцами вверх, на шестой этаж, который стал странно светиться, окрашиваясь сначала в золотисто-медный цвет, а затем разгораясь каким-то огненным свечением.

Но когда, завывая сиренами, примчались пожарные машины, сияние уже пропало, шестой этаж потерял свечение и стал как прежде. А прохожие разошлись...

Три часа спустя Пачевский – как выпавшийся пацан – вприпрыжку слетел по лестнице. Выскочил на улицу и – не то вальсируя, не то паря в воздухе – помчался по тротуару так легко, что все женщины невольно озирались ему вслед.

А Пачевский, выбежав на мостовую, стал голосовать машинам. Вскоре у его ног притормозила какая-то «девятка», Пачевский сел в кабину:

– Лесной бульвар!

– Двести рублей, – сказал водитель.

– Гони! – легко ответил Пачевский.

Типография при издательстве «Женский мир» была советская, со старым оборудованием – медленно раскручивался барабан с гигантской катушкой бумаги... резак, как заторможенный, медленно резал эту бумагу на книжные страницы... полуавтомат тащил эту бумагу к печатным машинам... печатные машины штамповали на бумагу постраничный книжный набор... еще один автомат собирал их в стопки... сшиватель пробивал... и лента конвейера медленно волокла вереницу этих стопок к склейке...

Женщины в темных халатах, стоя у конвейера, вручную мазали клеем корешки будущих книг...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.